

Одри
АЛЬВЕТТ

Мажия
Чарли

Волшебство
из чайной лавки

Одри Альветт
Магия Чарли. Волшебство
из чайной лавки
Серия «Магия Чарли», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70005916

Магия Чарли. Волшебство из чайной лавки:

ISBN 978-5-04-195940-1

Аннотация

Что, если ваша стеснительная одноклассница на самом деле окажется талантливой колдуньей? А домашний кот – говорящим? Даже чайная лавка возле дома – местом, где можно узнать самые сложные заклинания?

Я – Чарли Бернье, и моя бабушка пропала пять лет назад. Только недавно я узнал, что причина тому – магия.

Оказалось, что чудеса повсюду рядом с нами. Моя бабушка – известная волшебница, которая однажды заключила страшную сделку: начала отдавать свои воспоминания, чтобы сохранить мою жизнь. Чтобы спасти её, мне придётся стать учеником мага.

Но неужели мой путь обречён с самого начала?! За мной по пятам следует таинственный всадник смерти. Возможно, прежде, чем спасти бабушку, я должен защитить себя и разобраться, почему всадник думает, что моя жизнь принадлежит ему...

Содержание

Пролог	5
1	11
2	20
3	31
4	52
5	79
6	91
7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Одри Альветт

**Магия Чарли. Волшебство
из чайной лавки**

Magic Charly (Tome 1-L'apprenti)

Audrey Alwett

Copyright © 2019 by Audrey Alwett

Cover © Éditions Gallimard Jeunesse

«Tous les droits d'auteur de cet illustration sont réservés

www.gallimard-jeunesse.fr

First published by Gallimard Jeunesse, France

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency.

© Багно Е.А, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2024

*Магия имеет обыкновение затаиваться, словно
грабли в траве.*

Терри Пратчетт.

«Творцы заклинаний»

Пролог

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД
ВОСПОМИНАНИЕ, ИЗЪЯТОЕ У ЧАРЛИ ВЕРНЬЕ
ЛИЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ВСАДНИКА

Раннее тёплое утро, красный вагончик благоухает запа-

хом только что сваренного варенья. Кухонька залита солнечным светом, а на плите, как обычно, бурлят три чугунные кастрюльки.

Чарли качается на стуле и не отрываясь смотрит на тарелку, в которую бабушка выкладывает свежие пончики. Это уже вторая партия.

– Думаю, в этот раз они получились что надо, – говорит бабушка, ставя перед ним тарелку, после чего дважды хлопает в ладоши. – Эй, Книга мага!

Толстенный том, словно по команде, взбирается на стол и с трудом открывается на пустой странице.

– Ну что, назовём их «Шоколадные пончики с предсказаниями», без премудростей? Согласен? – спрашивает бабушка.

– Да, хорошее название, – отвечает Чарли и берёт один из пончиков. Тот ещё горячий, корочка у него блестит. Чарли впивается в него зубами, чувствует, как хрустит корочка, потом добирается до воздушной мягкости. И добавляет с видом опытного дегустатора: – Но со звёздным сахаром мне бы понравилось ещё больше.

– Если бы я тебя слушала, пришлось бы добавлять его во все рецепты!

Чарли ест пончик так быстро, что за ушами трещит. И тут ему на зуб попадает записка, спрятанная в сердце-вине выпечки. Он выплёвывает её и читает:

СЕЙЧАС ТВОЙ КОТ

УКРАДЁТ У ТЕБЯ ПОНЧИК

– Да ладно... – едва успевает произнести Чарли.

И в ту же секунду белый шерстяной комок выцарапывает пончик прямо у него из рук.

– Бандит! А ну-ка отдай!

Но кот уже устроился поудобнее на балке под крышей, собираясь как следует полакомиться выпечкой. Чарли оставляет его в покое и берёт с тарелки другой пончик. Бабушка хихикает, потом, чётко произнося каждый звук, начинает диктовать Книге рецепт:

– Шоколадные пончики с предсказаниями для небольших прогнозов без притязаний. Фунт муки, сто граммов масла...

Книга послушно выводит каллиграфическим почерком на чистой странице: «Шоколадные пончики с предсказаниями для небольших прогнозов без притязаний. Фунт муки, сто граммов масла...» У неё в переплёте нежно переливается жемчужина, вставленная в металлическую оправу.

А Чарли, раскачиваясь на стуле, уплетает уже второй пончик. Скоро он выплёвывает новую записку:

СЕЙЧАС ТЫ УПАДЁШЬ СО СТУЛА

Стул начинает крениться, но буквально в самый последний момент Чарли хватается за угол стола и ему удаётся удержать равновесие.

А почтенная Мелисса продолжает диктовать:

– Два яйца, три капли эфирного масла...

– ...и сто граммов звёздного сахара! – тараторит Чарли. В Книге тут же неровным почерком с кучей помарок появляется «сто грамаф звёзнава сахрра».

– Даже не думай! – возражает бабушка.

Раз! И последняя строка в Книге зачёркнута.

– Но так пончики ещё волшебнее! – спорит Чарли. – И я ведь обожаю звёздный сахар!

– Никакого звёздного сахара! Если уж на то пошло, он вреден для зубов. Два децилитра молока... – продолжает она, обращаясь к Книге.

Чарли расплывается в улыбке и, до того как бабушка успевает опомниться, хватает Книгу мага и начинает бегать с ней вокруг стола, потрясая ею у себя над головой:

– Сто граммов звёздного сахара! Пиши, Книга!

Чарли размахивает Книгой во все стороны, а она, разбрызгивая чернила, старательно пытается записать услышанное.

– Ах ты маленький пройдоха! – кричит почтенная Мелисса, но скрыть улыбку ей не удаётся. – Вот только дождярю сейчас партию пончиков, пока они в угольки не превратились, – и тогда держись у меня!

Чарли в ответ хихикает и, воспользовавшись моментом, пока бабушка стоит к нему спиной, забирается в шкаф. Он надеется, что она, как и в прошлый раз, провернёт какой-нибудь магический трюк, чтобы его найти. В последний раз она натаскала швабру, чтобы та унюхала его и пошла

по следу. Спрятавшись в тёмном шкафу, Чарли наблюдает из-за приоткрытой дверцы, как бабушка достает пончики из кипящего масла.

– Идеи рецептов для почтенной Мелиссы, – шепчет он Книге мага. – Распылитель со вкусом картошки фри, чтобы сбрызгивать стручковую фасоль, потому что она просто ужас какая мерзопакостная! Капуста, которая пахнет свежей мятой. Средство для размягчения хлебных крошек...

И пока Книга старательно записывает идеи в строгом соответствии с несуществующими правилами правописания, бабушка, дожарив пончики, оглядывается в поисках Чарли.

– Ой-ой-ой! – не очень правдоподобно восклицает она. – Внучок-то мой вон как хорошо спрятался. Ума не приложу, куда же он подевался! – Она берёт с тарелки пончик. – Но вот пончик-то мне наверняка подскажет, где он. Скажи-ка мне, голубчик: куда спрятался Чарли? Под раковину? Или в холодильник? Или, может быть, под коврик?.. – И она бросает хитрый взгляд в сторону приоткрытого шкафа, в котором затаился Чарли, а он в ответ громко прыскает со смеху. Потом бабушка разламывает пончик и, обжигая пальцы, достаёт маленькую записочку. – А ну-ка, посмотрим... – Она разворачивает записку с предсказанием, читает – и вдруг становится белой как полотно. А когда поднимает голову, Чарли замечает, что взгляд у неё словно

остекленел. – Чарли... – произносит она еле дыша. И в голосе её, как ни странно, слышна угроза.

Но Чарли не собирается так сразу прекращать игру. Он выпрыгивает из шкафа и бежит к саду.

– Догони, если сможешь! – кричит он ей, хохоча.

– ЧАРЛИ! – гневно кричит бабушка ему в спину.

И Чарли отмечает, что сегодня она отлично притворится, как будто и впрямь разозлилась. Обычно у неё получается не так хорошо.

1

Она возвращается

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ, В РЕГИОНЕ ЭКС-АН-ПРОВАНС.

Было сложно свыкнуться с мыслью о том, что после стольких лет она снова будет жить с ними.

В ту ночь Чарли удалось поспать всего несколько минут – неглубоким нервным сном. Кошмары снились ему один за

другим, и каждый раз он просыпался в холодном поту. А рано утром из соседней комнаты послышался громкий скрежет, а потом ещё Бандит решил свернуться калачиком прямо у него на лице.

– Ладно, встаю!

В конце концов, ласково оттолкнув кота (хотя можно было и не церемониться с этой животиной), Чарли выбрался из-под одеяла. Ужасный скрежет за стенкой не прекращался. Даже пол дрожал.

Вместо умывальника у Чарли в комнате стоял рукомойник, какие обычно бывают на юге Франции, то есть просто плоский камень: только открыл кран – и всё вокруг уже забрызгано водой. Чарли принялся проворно умываться, глядя на своё отражение в зеркале. Из-за недосыпа его кожа отличалась серым. Неуверенно пригладив рукой кудрявые волосы, он намочил глаза, чтобы выглядеть пободрее. Потом выпрямился и попробовал задорно улыбнуться. Получилось достаточно неплохо – но только потому, что он был крупным специалистом в этой области. Для своих четырнадцати лет Чарли был высоковат, и ему постоянно казалось, что он должен за это извиняться. За последние несколько лет переходный возраст уже давал о себе знать, и можно было сказать, что у Чарли «косая сажень в плечах».

Одевался он в спешке, так как грохот в соседней комнате не утихал. Взяв в руки портфель, он скривился от досады: нашивка на нём была наполовину оторвана. На ней был вышит

красный дракон – символ школы «Спички чик-чирички», в адрес которой его подруга Джун при любом удобном случае выражала свое презрение (Чарли считал, что она иногда перегибает палку). Вчера вечером он про это не вспомнил, а теперь заниматься починкой было уже некогда. Вздохнув, он закинул рюкзак за плечо и направился к выходу. Паркет проводил его поскрипыванием.

– До вечера, Бандит!

– Мр-р-мяу, – проворчал кот, явно давая понять, что будить его ради такого пустяка – это уж слишком.

Дверь в соседнюю комнату была открыта настежь – там суежилась Цезария.

– Доброе утро, мам. Ты что, опять мебель переставляешь?

– Да, думаю, ей так больше понравится. Что скажешь?

– Очень хорошо, – подбодрил её Чарли.

Ещё накануне эта комната принадлежала его маме, которая теперь окопалась в гостиной, перебравшись поближе к своим тубикам с краской. Вчера они до поздней ночи выносили из комнаты всякий хлам, мыли и обустроивали её. Чарли даже нарвал в саду чудосочной лаванды и поставил в вазу, хотя бабушка, наверное, даже не заметит... «Она не в себе, не жди, что она... вообще ничего от неё не ожидай», – предостерегала его мама.

Пять лет назад произошло то, что стало для них огромным потрясением: бабушкин вагончик просто взял и испарился, а заодно опустело тыквенное поле. Чарли и мама так

ничего и не поняли. Она просто исчезла, не сообщив им, куда направляется. События той поры Чарли помнил смутно, но ему запало в память, что бабушка тогда очень сильно на него разозлилась, а вот почему – он вспомнить не мог. Но разве это оправдывало такое внезапное исчезновение? Пока мама организовывала поиски, Чарли мучило чувство вины. Ни полиция, ни частные детективы не смогли найти ни малейших зацепок. В конце концов Чарли и маме пришлось смириться с исчезновением бабушки. Но два дня назад раздался телефонный звонок и из трубки, потрескивая, послышался застенчивый женский голос:

– Я нашла ваш номер в вагончике. Вы ведь... родственники почтенной Мелиссы?

– Это моя мать! – чуть не взвыла Цезария. – Вы её нашли?! Она в порядке?!

– Как сказать... В общем, физически она в порядке, хоть и немного слаба... Видите ли, она не очень хорошо питалась, но...

– Не очень хорошо питалась?! Да моя мать – кулинар, которому нет равных!

– Да, я знаю, но... она уже не та, что была раньше. Ваша мать... очень физически и умственно пострадала.

Застенчивый женский голос на том конце провода объяснил, подбирая самые осторожные слова, что почтенная Мелисса была найдена в плачевном состоянии. Что пожилая женщина потеряла память. И что ей нужно как можно ско-

рее обеспечить уход.

– Но где же она сейчас? – спросила мама Чарли.

Выяснилось, что она находится уже на другом конце страны. К счастью, звонившая женщина оказалась чрезвычайно добра. Похоже, она была немного знакома с почтенной Мелиссой. В любом случае говорила она о ней с огромным уважением – как об очень важной персоне. Она высказала желание организовать переезд и «Скорую», которая перевезла бы почтенную Мелиссу. Сделала она всё очень быстро. Настолько, что почтенная Мелисса должна была прибыть тем же вечером.

Прибыть к ним домой.

Чарли и мама не могли в это поверить.

– Как ты, Чарли?

Поглощённый своими мыслями, он даже подпрыгнул от неожиданности. Мама смотрела на него смущённо: она никогда раньше не проявляла нежности.

– Всё хорошо, – ответил Чарли. – Правда. Просто сегодня мне снились очень странные сны.

– Про неё?

– Да, и ещё... э... про магию, ха-ха-ха!

Он поспешил рассмеяться, чтобы было понятно: он согласен, что это полная ерунда. На что его мама улыбнулась и сказала:

– Когда ты был маленьким, ты всем говорил, что твоя бабушка колдунья! Вы были неразлейвода. У неё тоже была бо-

гатая фантазия... – Она на миг затихла, а потом добавила: – Не жди, что она будет такой же, как раньше... Я хочу сказать – скорее всего, она сильно изменилась, понимаешь?

– Понимаю.

Мама прокашлялась и, похоже, решилась на непростой для себя шаг:

– Хочешь, я... тебя обниму? Видишь ли, мы сейчас в такой ситуации, когда матери обычно обнимают своих детей, чтобы их подбодрить. – Не дождавшись ответа, она подошла к Чарли, аккуратно, почти не касаясь его, сомкнула руки вокруг его плеч и похлопала по ним кончиками пальцев. Потом отступила почти на метр и облегчённо вздохнула.

Чарли понимающе подыграл ей. Он знал, что она сделала огромное усилие над собой. И что на самом-то деле из них двоих в поддержке больше нуждается именно она. Он поцеловал её в щёку:

– Всё хорошо, мам. Не переживай.

– Да, хм... Можешь придвинуть кресло поближе к окну?

Чарли послушно взялся за дело. Тут его взгляд упал на стену над кроватью:

– Почему эта картина висит вверх ногами?

– Потому что она просто ужасная.

– Тогда сняла бы её...

– Ой, ну она не настолько ужасна.

Мама Чарли занималась живописью уже пять лет. Делала она это с большим рвением, но результат, откровенно го-

вора, был просто... Чарли осёкся, решив, что закончить эту фразу было бы слишком грубо.

– Тебе пора идти завтракать, – сменила тему Цезария, – а то опоздаешь на первый урок. Директриса ведь тебя накажет и глазом не моргнёт.

– Хочешь, я тебя подожду и пойдём вместе?

– О нет, только не это. В твоём возрасте матерей, как правило, стыдятся.

– Я тебя не стыжусь.

– А мне всё время кажется, что стыдишься.

– А я... не собираюсь с тобой ссориться. И не надейся.

– Уверен?..

Она в шутку скорчила расстроенную гримасу. А Чарли ответил ей обворожительной улыбкой, которая сразу подействовала.

– А ну-ка брысь, подлиза ты этакий! – воскликнула она и взялась передвигать кресло в четвёртый раз.

Чарли весело присел в реверансе и спустился по деревянной лестнице на кухню. Сквозь занавески уже сочился утренний свет. Чарли съел несколько миндальных орехов, а потом приготовил завтрак для мамы. Он хорошо её знал: если завтрак не будет подан на блюдечке с голубой каёмочкой, она воспользуется этим, чтобы улизнуть из дома не поев. Итак, чай, два кусочка поджаренного хлеба, инжирное варенье и веточка розмарина, которую Чарли сорвал в цветнике на окне – просто чтобы подбодрить маму, как бы говоря: «Дер-

жись, я знаю, что день предстоит нелёгкий».

Чарли вышел из дома и позволил ногам нести его к школе. Они хорошо знали дорогу, а ему нужно было подумать. В глубине души он чувствовал то же, что и мама: хотел, чтобы вечер не наступал как можно дольше – ведь он, скорее всего, принесёт с собой кучу неприятностей. Поэтому Чарли что есть силы цеплялся за настоящий момент, надеясь, что это замедлит приближение будущего.

Вдруг он начал спотыкаться о гладкие круглые камни мощёной улицы: пытаясь увернуться от будущего, он не заметил, как дала о себе знать бессонная ночь – ноги у него заплетались от усталости.

Чарли сделал усилие и сосредоточился на настоящем.

Было ещё рано, но солнце, совершенно особенное, какое бывает только на юге Франции, уже залило здания во всей округе горячим светом, и теперь они были похожи на свежеспечённые круассаны, щедро сдобренные сливочным маслом. На верёвках, натянутых между окнами, сушилось бельё. Не спеша, словно глаза после сна, открывались синева-то-серые ставни. В обитой кованым железом башне мэрии, будто трясаясь от холода, пронзительно звонил колокол. Горы мёртвой хваткой вцепились в горизонт своими массивными зубастыми челюстями и не желали выбираться из-под тёплого дымчатого одеяла. Осень тихонько подкрадывалась на кончиках пальцев: словно боясь нарушить эту идиллию, она лишь изредка подкидывала пожелтевшие листья под но-

ги проходим. На улице, хоть и едва ощутимо, всё ещё чувствовался аромат тимьяна – лето всеми силами пыталось задержаться подольше.

Чарли набрал в лёгкие побольше воздуха и сказал, чтобы подбодрить самого себя:

– Всё будет хорошо.

Пожилая женщина и смерть

Когда Книга мага стукнулась об пол, миниатюрная рыжая волшебница вскрикнула, но, увидев, что именно её напугало, она нервно рассмеялась и ласково подняла увесистый фолиант, приговаривая:

– В твоём возрасте не пристало вытворять подобные кульбиты!

На это фолиант продемонстрировал Морнилье свои запылившиеся страницы, с усилием перелистывая их прямо у неё под носом. Волшебница с грустью отметила, что чернила на них почти полностью выцвели, а жемчужина в переплёте потускнела. Морнилья закрыла Книгу и положила её на место – ведь чужую Книгу мага трогать нехорошо.

Хозяйка Книги почтенная Мелисса сидела в кресле-качалке и смотрела в никуда. Морнилья неуверенно потянулась к ней, чтобы поправить плед, который сполз, обнажив исхудавшие руки пожилой женщины. Сейчас почтенная Мелисса выглядела уже лучше... Но в каком же ужасном состоянии она была, когда её нашла молодая волшебница! Вся грязная, в лохмотьях...

Вдруг вагончик затрещал по швам, и миниатюрная волшебница подпрыгнула от неожиданности. Она подбежала к окну и выглянула в сад, полный большими тыквами. Но на дороге за забором, который окончательно лёг на землю, потому что его давно уже не чинили никого не было.

– Наверное, просто ветер, – прошептала волшебница, чтобы услышать звук собственного голоса.

Она спрашивала себя, куда же запропастилась «Скорая»? Ведь перевозочная компания забрала вещи три часа назад. Они увезли всё, что Морнилья смогла упаковать. Единственное, что она забыла положить, была Книга мага – самое главное, ни больше ни меньше. Хотя в оправдание молодой волшебницы нужно сказать, что старая Книга как следует

спряталась, забравшись на балку под самой крышей вагончика. Наверное, она испугалась переполоха, который устроила Морнилья, собирая вещи почтенной Мелиссы. В итоге волшебница пообещала себе, что положит Книгу в машину «Скорой помощи», и на этом успокоилась.

Несмотря на то что из вагончика вынесли почти все вещи, в нём всё равно чувствовалась жизнь: такое бывает в домах, в которых люди жили счастливо. При мысли, что здесь никто больше не будет жить, Морнилье стало грустно. Пол в вагончике был сколочен из зелёных, синих и красных досок. Разноцветные оконные стёкла подцветывали солнечный свет. Переливчатые занавески разделяли внутреннее пространство на комнаты – а вагончик, к слову, был очень просторный, несмотря на его кажущуюся компактность. Что сказать – хозяйка ведь была волшебницей. Повсюду, от кухни до ванной комнаты (и в гостиной тоже), стояли растения, посаженные в совершенно невообразимые сосуды: в банки из-под варенья, жестяные лейки, фаянсовые чашки с отколотыми краями, помятые металлические чайники... Кактусы росли буйно, словно папоротник, несмотря на плачевное состояние той, что их посадила, и несмотря на то что она давно уже была не в состоянии о них позаботиться. Все эти растения превращали вагончик в великолепный цветущий, живой сад, от которого Морнилье было не по себе. Она в ужасе косилась на растения:

– Это просто бессмысленно. Ну зачем столько индикато-

ров? – ворчала она. – Если произойдёт выброс магии, мы ведь из-за всей этой буйной растительности его просто не заметим.

За окнами распогодилось: это был один из тех летних деньков, которые всё никак не хотели уходить. И хотя мороз уже вгрызся в бутылки с оливковым маслом и в последние помидорки, которые навсегда остались зелёными, в вагончике было тепло и уютно, и приход зимы в нём совсем не ощущался.

– Вам удобно? – спросила Морнилья у почтенной Мелиссы, чтобы заполнить тишину. Она не смогла сдержать дрожь в голосе. Пожилая женщина ей не ответила, и Морнилья почувствовала, как на неё накатывает новая волна ужаса.

Волшебница достала из кармана зеркальце. Оно было инкрустировано маленькой жемчужиной, которая ярко блестела. Волшебница быстрым движением вывела на поверхности зеркальца руну.

– Умоляю, ответьте!

Через несколько секунд в зеркале появилось отражение мужчины азиатской внешности. Его нос, и без того тонкий, сжимало пенсне. Мужчина кокетливо откинул назад длинные волосы.

– Да? Что такое? – спросил он совершенно обыденным тоном.

– Я... Учитель Лин... Я...

– Вы желаете меня о чём-то уведомить?

– Нет, дело не в этом...

– Понимаю. Вы желаете уведомить меня о том, что у вас сдают нервы. Ну так вот, дорогая моя, вам следует немедленно успокоиться.

– Да, но как?!

– У почтенной Мелиссы где-то должны быть «Пожиратели». Поиграйте сама с собой.

Миниатюрная волшебница нервно выкручивала себе руки. Было непохоже, что совет ей помог.

– Почтенная Мелисса уже шестая, кого мы находим в подобном состоянии... Наша ложа разгромлена!

– Но есть и хорошая новость: он уже получил своё и возвращаться ему нет смысла.

– Не знаю... Что-то с почтенной Мелиссой не так. Как будто у неё остались какие-то воспоминания.

Учитель Лин в зеркале нахмурил брови:

– В самом деле?

– Да, ну то есть это вполне вероятно... В общем, вчера вечером мне показалось, что я слышала, как она произнесла целую фразу.

– Вам... *показалось*?

Морнилья смущённо вжала голову в плечи:

– А ещё она иногда следит за мной взглядом. Она не выглядит полностью жемчелишённой... ну, то есть она не до конца...

– Почтенная Мелисса – Магистр магии. Она, должно

быть, защищалась так отчаянно, что это оставило в её памяти какие-то следы. В конце концов, остальные были только Элементариятами, как мы с вами...

– Действительно. Ах, это ужасная потеря... Учитель Лин... Вы думаете, что она сбежала так далеко, пытаясь скрыться от него?

Отражение в зеркале приняло озабоченный вид, затем озабоченность на лице мужчины сменилась огорчением, и он стал рассматривать свои ногти.

– Это абсолютно не в её стиле.

– Но она исчезла почти пять лет назад! И, если честно, в том состоянии, в котором я её нашла, она бы долго не протянула: несколько недель, самое большее – несколько месяцев...

Учитель Лин снова откинул свою шевелюру назад, в этот раз очень нервно:

– Позаботьтесь о том, чтобы передать её в руки «Скорой помощи», а когда она будет рядом, я за ней присмотрю. На расстоянии я ничего не могу сделать. – Он немного помолчал, а потом добавил: – И успокойтесь.

– Да, конечно, я постараюсь... – Вдруг она резко обернулась. – Машина едет! Это они! Это медработники!

Учитель Лин искренне улыбнулся:

– Ну вот видите! Через несколько минут вы сможете улететь оттуда. И незачем было так переживать.

Миниатюрная волшебница попрощалась с ним, чуть не

рассмеявшись от радости, и закрыла зеркальце.

– Милый домик, – раздался голос снаружи.

– Но какой-то заброшенный, – возразил другой. – Бедная старушка! Да... мы как раз вовремя.

Морнилья поспешила открыть дверь двум медбратьям, встретив их сияющей улыбкой:

– Заходите! Она вас ждёт!

Двое мужчин поприветствовали её и поднялись по деревянным ступенькам.

– Забавно, – сказал первый. – Когда находишься снаружи и не подумаешь, что внутри так просторно.

Они повернулись к пожилой женщине, которая покачивалась в кресле-качалке из синего дерева. Плед, который Морнилья недавно поправила, снова сполз.

– Это она? – тихо спросил один из медбратьев.

– Да, это она.

Почтенная Мелисса развернулась к ним лицом, взгляд её был преисполнен чувства собственного достоинства, и на мгновение они увидели её такой, какой она была прежде: талантливой волшебницей, наделённой недюжинным интеллектом.

– Нам нужно отправляться в путь без промедлений, – сказал один из медбратьев, – дорога предстоит долгая, не хотелось бы приехать за полночь... – Повернувшись к Морнилье, он тихо добавил: – Мы пока в эту глушь добирались, несколько раз сбились с пути...

Они заполнили кое-какие бумаги, и настало время покинуть вагончик. Пожилая женщина послушно последовала за медбратьями, но как только они спустились по лестнице, она схватила метлу, которая стояла у порога вагончика, и уселась на неё верхом. По правде сказать, это была довольно забавная метла: обычная палка, к которой с одной стороны привязана охапка мелких веток. Это была метла Морнильи. Так как ничего не произошло, почтенная Мелисса обратилась к медбратьям:

– Мне нужно в Тэдем, – произнесла она это с трудом, голос её не слушался. – Я должна остановить нечто ужасное.

– Да уж, старость не радость... – прошептал один из медбратьев.

А у Морнильи от удивления округлились глаза:

– Я знала, что часть её души сохранилась! – прошептала она.

Медбратья поставили метлу на место и помогли почтенной Мелиссе забраться в машину «Скорой помощи». Морнилья горячо с ней попрощалась – она боготворила почтенную Мелиссу!.. Двери «Скорой помощи» захлопнулись, и машина тронулась с места. Вдруг Морнилья закричала:

– Книга мага! Я забыла Книгу мага!

Она сломя голову побежала в вагончик и через секунду выбежала из него, прижимая к груди дрожащую Книгу:

– Подождите!

Но карета «Скорой помощи» была уже далеко: медбратья

спешили нагнать график.

– Подождите! Пожалуйста!

И только тогда Морнилья заметила клубы тумана, которые расползлись по саду. Температура воздуха резко упала. Окна вагончика вмиг покрылись морозными узорами. Морнилья отчётливо увидела, как растут тыквенные стебли и листья.

Раздался стук копыт, приглушённый рыхлой землёй. От ужаса у волшебницы подкосились ноги.

Слишком поздно.

Из тумана появился всадник на чёрном коне. В широкополой шляпе, лица не видно. На ремне у него висели большие песочные часы, наполненные белыми жемчужинами. Увидев у него в руке, которую он поднял высоко над головой, косу, Морнилья чуть не потеряла сознание:

– Нет...

Книга мага выскользнула у неё из рук и, упав на землю, забилась в конвульсиях, как старая орлица, которую покидают силы. Волшебница бросилась бежать. И только тогда всадник, кажется, обратил на неё внимание. Он с любопытством склонил голову набок и какое-то время наблюдал, как маленькое несчастное существо, спотыкаясь о тыквы, отчаянно пытается спастись. А потом он развернул коня и во весь опор поскакал вслед за ней.

Морнилья запнулась о стебель, который стелился по земле, и упала плашмя в грязь. Когда она привстала и огляну-

лась, то увидела всадника прямо над собой.

– Вы не имеете права, – прошептала она едва слышно.

Тот даже не потрудился ответить. Он размахнулся и ударил волшебницу косой. Взгляд Морнильи помутнел. Всадник привычным жестом поймал её душу и отправил в песочные часы. Душа превратилась в поток белых жемчужин, которые одна за другой стекли в сосуд. Эта душа была не особенно сильной, зато отличалась живостью.

Он заглянул в пустые глаза миниатюрной волшебницы – и засомневался. Всё это неразумно. В последнее время он оставлял слишком много следов... Он развернул косу стороной лезвия и ударил волшебницу ещё раз.

Морнилья упала замертво.

Всадник оставил её тело лежать посреди поля, а сам поскакал к вагончику. Тот оказался пуст, и это сильно его разочлило.

3

Мангустина

Школа «Спички чик-чирички» располагалась в здании бывшей фабрики, сверху напоминающем латинскую букву «V». Время беспощадно обгладывало здание, спроектированное в стиле Прекрасной эпохи, которая сама уже давно канула в Лету. Крыша протекала, поэтому в дождливую погоду нужно было непременно расставлять на партах вёдра.

Посреди здания возвышалась высокая башня с красным куполом, символизирующая спичку с серной головкой. На самые верхние этажи башни ученикам подниматься было запрещено: потолок мог обвалиться от малейшего чиха. Окна тоже были в ужасном состоянии: они плохо закрывались, сопротивляясь каждой своей деталью. В глубине школьного двора журчал фонтан, украшенный статуей дракона, забивающийся, когда ему заблагорассудится. Одним словом, здание переживало своё старение с завидной элегантностью, приноровившись к возрастным изменениям.

На доске в классе Чарли красовалась теорема Пифагора, правда непонятно зачем – ведь класс всё равно уже давно не слушал учителя. Все ждали. Дело было в понедельник, ближе к вечеру, а значит, скоро должно было произойти определённое событие. Но событие это всё никак не наступало: оно, словно капризная суперзвезда, затягивало момент ожидания, катастрофически опаздывая и заставляя всех учеников изнывать от нетерпения. Всех, кроме двоих.

Первой была светловолосая Мангустина, которая прилежно выполняла роль лучшей ученицы в классе. Она всегда выглядела ужасно собранной и выводила цифры в тетради так усердно, словно вколачивала гвозди. Её одноклассников это бесило, и они кидались в неё шариками из бумаги. Те застревали у Мангустины в волосах, но она даже не удосуживалась от них избавиться. С одноклассниками Мангустина не церемонилась и с самого начала дала им понять: они все для неё

пустое место и недостойны её внимания.

Ну а вторым учеником, который, в отличие от всех, тоже не ждал, был Чарли. Он очень сильно опаздывал на урок и в тот самый момент галопом нёсся по ветхим коридорам школы. За несколько минут до этого он нечаянно вырвал дверцу своего шкафчика и потом долго возился с ней, пытаясь приладить на место. Металлическая дверца изрядно помялась, но Чарли удалось закрыть шкафчик на замок: о большем он и не просил.

– А! Господин Вернье! – воскликнул учитель. – Вы наконец-таки оказали нам честь! Извольте пройти на своё место.

Чарли быстро шмыгнул за вторую парту, прямо за Мангустиной. Как он и ожидал, Джун заняла ему место и встретила его ухмылкой:

– Обычно это я опаздываю, а не ты! Ну и что ты учудил?

Джун была похожа на исчадие ада: растрёпанная, как чертёнок, и одета соответствующе. Она целенаправленно культивировала образ очаровательной хулиганки, который шёл ей как нельзя лучше. Она заявлялась в школу с вызывающим макияжем, в огромных берцах и в майке с надписью «True бунтарка» – на случай если кто-то ещё вдруг не понял. Её родители были владельцами крупнейшей фабрики по производству миндального печенья в регионе Экс-Ан-Прованс: это такое печенье в форме рыбок, покрытое сахарной глазурью. Благодаря этому печенью город, собственно говоря, и прославился. Но Джун это не нравилось. Она говорила, что

сахар у неё уже из ушей лезет и что если она потеряет бдительность, то в один прекрасный день её покроют глазурью, перевяжут праздничной лентой и выставят как куклу в витрине родительского магазина на всеобщее обозрение. Поэтому, когда она всех и вся посылала куда подальше, Чарли прекрасно её понимал.

– Я поссорился со шкафчиком, и мы двадцать минут пытались помириться, – сказал Чарли, а потом пояснил: – В общем, я сломал дверцу своего шкафчика.

– И зачем я каждый день голову ломаю, стараюсь быть оторвой – ведь от тебя вреда больше, чем от меня, даже когда я рву и мечу! Ох, как же это бесит!

Тут мимо них полетел бумажный шарик, который кто-то запустил в Мангустину. Но Чарли перехватил его и раздавил в кулаке – так же он поступал с неприятными эмоциями. Ему не нравилось, что из Мангустины делают объект для насмешек. И не важно, что она всегда говорит с ним в презрительном тоне – слишком легко нападать на того, кто одинок.

– У тебя даже повода нет, чтобы быть таким разгильдяем, – прошептала Джун.

– Это как посмотреть, – ответил Чарли в свою защиту. – У меня просто не получается контролировать свою силу, когда я... э... нервничаю. Подростковый возраст, наверное, или что-то в этом роде.

Вдруг ещё один бумажный шарик, предназначавшийся Мангустине, попал прямо в голову Джун. А так как Джун бы-

ла совсем не такой, как Чарли, то, развернувшись вполоборота, она со всей дури запустила его обратно в отправителя. Тот хотел было ответить ей тем же, но, увидев, как она хищно оскалилась, поднял руки вверх в знак перемирия. Потому что она не просто расплылась в улыбке, а хищно ощерилась, продемонстрировав гораздо больше зубов, чем их должно быть.

– Эй, пойдёшь вечером бросать водяные бомбочки с крыши?

Чарли нахмурился. А Джун, не дожидаясь ответа, затараторила:

– Я же не прошу тебя участвовать – просто постоишь рядом: мне хоть будет с кем поговорить, пока я занята делом.

– Нет, не могу. К нам сегодня перебирается бабушка, и мама хочет, чтобы я был дома. Я тебе уже говорил вчера. Помнишь?

– Конечно, помню – спрашиваешь! – ответила Джун, которая всегда помнила только о том, что касается исключительно её лично.

– Найди кого-нибудь другого, – предложил Чарли.

– Ага, вон Мангустину позову.

Чарли не успел её остановить, и она дважды бесцеремонно дёрнула Мангустину за белокурые локоны. Та резко развернулась и уставилась на Чарли, уверенная, что это сделал он.

– Прости его, он не понимает, что творит! – воскликнула Джун, радуясь тому, как ловко у неё получилось свалить ви-

ну на кого-то другого.

– Это не я, – отчеканил Чарли, не сводя с Джун испепеляющего взгляда, как если бы собирался уничтожить её на месте (а ему, учитывая разницу в их весовых категориях, сделать это было совсем несложно).

Но Джун знала своего друга как облупленного, поэтому просто-напросто его проигнорировала:

– Эй, Мангуст, как ты смотришь на то, чтобы потренироваться в метании водяных бомбочек со мной сегодня вечером? – И она сопровождала приглашение зубастой улыбкой.

Но Мангустина резко ответила:

– Нет. – После чего отвернулась и стала смотреть на классную доску.

– Не могу поверить, что моё очарование на неё не действует, – сказала Джун Чарли. – Я же придумала суперинтересную программу на вечер. Ну ладно. Не хочет – и не надо. Только ты теперь как мой лучший друг просто обязан пойти со мной, иначе мне будет скучно.

Чарли закатил глаза. И в эту секунду из громкоговорителей градом посыпались шипящие звуки.

– Ура-а-а-а! – радостно закричали все ученики, кроме Чарли и Мангустины.

Через секунду все уже были наготове, словно бегуны на линии старта, потому что знали, что за этим последует.

Учитель же был явно недоволен:

– Ну к чему каждый раз вся эта интрига!

Но больше он ничего не сказал, и энергичный голос директрисы раздался уже в полной тишине:

– Вниманию всей школы «Спички чик-чирички»! Ученики, повесьте свои уши на гвоздь внимания! Итак, шарада недели. Те тридцать человек, которые придут последними, как обычно, будут каждый день до следующей пятницы мыть школу после уроков. А что касается победителей... э... – Директриса замолчала, а потом, в порыве вдохновения, выпалила: – Они получают пятерки по математике!

– Позвольте! – возмутился математик.

Громкоговорители продолжали плевать звуками, не обращая внимания на учителя:

– Вам, как обычно, лучше разбиться на команды из двух-трёх человек, иначе окажетесь среди проигравших. Вход в запретную башню, конечно же, ЗАПРЕЩЁН, так же, как и в учительскую, зарубите это себе на носу! А теперь шарада:

«Слог первый мой – школьное сражение,

Второй мой слог – лошадки,

Слог третий – зона или клуб,

Четвёртый – синус к косинусу.

А в целом – у меня бурлит в животе».

Удачи всем!

Из колонок послышался скрежет ножек отодвигающегося стула. Ученики повскакивали с мест, на ходу запихивая в портфели учебники и тетрадки.

– Я, как всегда, ничего не поняла, – сказала Джун.

– Может, сосредоточимся на последней подсказке, а не на отдельных частях слова? – предложил Чарли. Он вдруг подумал, что это соревнование очень кстати: хотя бы отвлечётся от мыслей о бабушке, а она, наверное, уже в дороге, едет много часов подряд... Далеко ей ещё до их дома?

Перед тем как выйти из класса, Чарли посмотрел на Мангустину. Дождавшись, пока все ученики разбегутся, она неуклюже выпихнула себя из-за парты. Мангустина никогда не участвовала в школьных соревнованиях... Мангустина всегда была одна...

– Отличная идея! Берём её с собой! – вдруг воскликнула Джун, проследив за его взглядом. – Зуб даю, она щёлкает шарды как орехи! Эй, Мангуст, шевели булками! – И она, поделовому подхватив Мангустину под руку, принялась толкать её к выходу.

Мангустину этот выпад застал врасплох – у неё заплелись ноги, и она чуть не упала. И тут Чарли заметил, как на шее у Мангустины, выбившись из-под воротника, блеснула странная подвеска. Но разглядеть её он не успел: Мангустина, вырвавшись из цепких ручонок Джун, с силой оттолкнула её от себя и поторопилась спрятать кулон под свитер.

– Отстаньте от меня! – прошипела она сквозь зубы и вылетела из класса.

– Я просто хотела быть милой! – надулась Джун, оскорблённая тем, что не оценили её альтруистического порыва.

– Знаешь, наверное, она по своей натуре одиночка, – об-

ронил в ответ Чарли. Сказать подруге, что её манеры оттолкнули бы кого угодно, он не решился.

– Тем хуже для неё, – сказала Джун. – Ладно, нам пора пошевелиться, а то все уже ушли.

К тому времени, когда они наконец вышли из класса, коридоры уже опустели.

– «У меня бурлит в животе»... «У меня бурлит в животе»... – думал вслух Чарли. – Может, это столовая, как думаешь?

– Ага, точно.

В подобных ситуациях Джун предпочитала, чтобы Чарли думал за неё: она берегла силы для более важных вопросов, например как сделать так, чтобы учитель выглядел полным тупицей и какой из способов для этого самый надёжный. Поэтому теперь она послушно плелась за Чарли по большим каменным лестницам и коридорам, разглядывая пол, выложенный истёршейся за долгое время плиткой. Через центральный вестибюль школы они прошли на цыпочках, чтобы не разбудить школьного сторожа – неврастеника Жоржа, который, как обычно, спал на скамейке в своей будке. Да, лучше «не будить зверя», иначе можно схлопотать от него серьёзное наказание.

С самых ранних лет всем ученикам в этой школе рассказывали о её истории, но делалось это как-то вскользь, и слушали ученики так же – краем уха, поэтому в итоге в детских головах об истории этого места почти совсем ничего не осе-

дало. Чарли помнил только, что когда-то здесь жила некая кавалерственная дама по фамилии Чик-Чирик, она была не из очень знатного рода и сколотила состояние на продаже спичек. В самом начале XX века по её распоряжению была построена эта «огненная» фабрика. Изобразить на гербе дракона, изрыгающего пламя, – тоже была её идея. Дракон вышел таким удачным, что его изображение перенесли на витражи, изготовили с ним вышивки и даже изваяли скульптуру в натуральную величину, которая теперь украшала фонтан во дворе школы. А девиз школы «Fiat lux!» – что означает «Да будет свет!» – знали все в округе.

Когда Чарли и Джун добежали до места, они обнаружили, что многие другие ученики тоже решили, что один из ответов загадки – это столовая. Но все они растерянно озирались по сторонам в поисках главного решения шарады, и ни у одного из них не было ни единой зацепки. Да и директрисы в столовой тоже не было.

– Мы ошиблись, – сделал вывод Чарли.

Джун кивнула, развернулась на сто восемьдесят градусов и бросилась бежать.

– Ты куда?! – закричал Чарли, устремляясь за ней вдогонку.

– Не знаю, но если будем очень быстро бегать, то рано или поздно наткнёмся на разгадку!

Чарли не успел ничего ей ответить. Как только они повернули за угол, перед ними как из-под земли возникла Мангу-

стина. Чарли летел на всех парах и чуть не врезался в неё, но вовремя затормозил: между ними оставалось не больше пары сантиметров. С такого маленького расстояния Чарли успел в мельчайших подробностях разглядеть, как Мангустина выходит из себя. Он тут же отпрыгнул:

– Извини.

Мангустина сама по себе была очень маленькая, но носила огромные чёрные свитера, которые скрывали её от посторонних глаз, как тёмная зимняя ночь. О формах её тела можно было догадаться только примерно. Бедро, округлившееся во время подросткового периода, рука – ещё по-детски пухлая... С лицом была та же история: она тщательно прятала его за массивными очками и объёмной шевелюрой. За всем этим где-то была Мангустина, но никто не видел её настоящую.

– Мангуст?! А ты что здесь делаешь? – удивилась Джун.

– Я бы хотела побыстрее покончить с уборкой. Вы проиграли – значит, должны мне помочь. И не называйте меня «Мангуст».

Чарли заметил, что в одной руке она держит с полдюжины мётел, а в другой – столько же вёдер.

– Мы ещё не проиграли! – возмутилась Джун.

– В таком случае почему все сейчас у Драконьего фонтана, а вы здесь?

От удивления у Чарли и Джун отвисли челюсти, но они быстро опомнились и бегом бросились во двор.

– Почему мы не подумали об этом раньше?! – отчитывал себя Чарли, прерывисто дыша. – Ведь у Драконьего фонтана бурлит в животе... это так очевидно!

– Да, но какая связь с остальными частями шарады? Никакой! – прокричала Джун. Проигрывать она не умела.

– Посмотрим, хм... «Слог первый мой – школьное сражение, второй мой слог – лошадки, слог третий – зона или клуб, четвёртый – синус к косинусу. А в целом я Драконий фонтан... По-моему, я понял. Мы действительно проиграли...

– Да неужели?

– Драка-кони фан-тангенс. Дра-коний фон-тан.

– Ой! Какая ерунда!

Как только они вышли во двор школы, их обдало ледяным осенним ветром. Возле фонтана было настоящее столпотворение.

– Поторопись! Может, мы ещё...

Но договорить Чарли не успел: у них за спиной послышалось громкое тиканье хронометра. Они повернули головы.

Директриса выглядела раздражённой.

– Вы проиграли, – сказала она.

Её ярко-красные и очень коротко стриженные волосы очень подходили к её худой остроугольной фигуре. Такой образ как нельзя лучше гармонировал с названием школы: она была похожа на спичку, которая вот-вот воспламенится. На спичку из чёрного дерева.

Чарли опустил голову. После них прибежали ещё несколь-

ко учеников, но это было слабым утешением. В конце концов, невероятно громыхая вёдрами и швабрами, появилась Мангустина, которая, не стесняясь, бросила весь свой скарб на землю:

– Вы должны начать прямо сейчас. У меня вечером ещё дела.

Никто даже не шелохнулся.

– Чарли, – процедила директриса сквозь зубы, – мне нужно с вами переговорить. С глазу на глаз.

Чарли почувствовал на себе насмешливые взгляды, но послушался и пошёл за директрисой. Как только они отошли в сторону, она буквально накинулась на него.

– Ты это специально! – в ярости прошептала она. – Ты специально проиграл, чтобы не быть дома, когда приедет бабушка!

– Да ну, мам!.. – тоже шёпотом попытался урезонить её Чарли. – Бабушка тут ни при чём! Вспомни, я ведь *всегда* проигрываю в конкурсе с шарадами!

– Вообще-то да, – согласилась мама, немного смягчившись. А потом добавила, тыча пальцем ему в грудь: – Но тебе всё равно не удастся избежать домашних обязанностей, даже не надейся. Я лишаю тебя права на сегодняшнюю уборку!

– Ты наказываешь меня, лишая наказания?

– Это и есть наказание. Интересно, как ты объяснишься со своими друзьями? Жду тебя в машине.

И Цезария Вернье направилась к выходу. Тридцать проиг-

равших учеников уже собирали мусор во дворе школы. Чарли подошёл к Джун, всё это время следившей за ним краем глаза:

– В общем, э...

– Расслабься, я всё поняла. Беги, встречай свою бабушку!

Я как-нибудь объясню остальным.

Всё-таки у Джун были хорошие качества, и ради них стоило иногда потерпеть её недостатки. Чарли сложил руки в благодарственном жесте и убежал.

Пробегая через вестибюль, он увидел, как сторож Жорж разминается после сна:

– Чертовски тяжёлый день, правда?

Чарли сдержал улыбку:

– Да, очень.

– Так, я не собираюсь тут куковать, пока твои другань там полы намывают! Скажи им, пускай захлопнут дверь, как будут уходить.

– Я думаю, они и так знают, – вежливо ответил Чарли. – Хорошего вечера, господин Жорж.

Мама уже сидела в машине на улице, неподалёку от школы, и заводила мотор. В нескольких метрах от неё другой водитель не мог дожидаться, когда она уедет, чтобы встать на её место. Он что-то громко кричал, и Чарли, подняв бровь, воинственно напряг мышцы, даже не отдавая себе в этом отчёта.

– Нет, вы только посмотрите на неё: дамочка и не думает

торопиться! Не затруднит ли вас тронуться с места, наконец? Вы здесь вообще-то не одна, дорогуша!

Увидев, что Чарли открыл дверцу и сел в машину, кричащий мужчина поутих: крепкое телосложение мальчика произвело на него сильное впечатление. А Чарли, на секунду задумавшись, не опасен ли этот человек, тут же опешил от удивления: вместо носа у мужчины было поросячье рыло.

К тому времени они уже выехали на дорогу, и теперь мама ворчала:

– Клянусь тебе, некоторые люди ведут себя как свиньи!

– Но мама! Этот человек и есть свинья! У него поросячье рыло!

– Некрасиво смеяться над недостатками внешности. Даже если это что-то очень неприятное. У этого человека наверняка какой-то врождённый порок.

* * *

Соседка позаботилась, чтобы перевозочная компания разгрузила вещи почтенной Мелиссы, и теперь у порога их дома громоздилась дюжина сундуков и чемоданов. Бандит разлёгся на них словно хозяин, распластавшись в пушистый белый блин. Цезария протянула было руку, чтобы его прогнать, но остановилась:

– Дорогой, ты не мог бы согнать своего кота? Не хочу, чтобы он меня поцарапал.

– Бандит, ты не мог бы слезть с чемоданов, пожалуйста? Нам нужно их перенести, поэтому ты не можешь сейчас на них лежать.

Цезария закатила глаза:

– Он же кот! Не надо с ним церемониться. Просто столкни его – и дело с концом.

– Он понимает больше, чем ты думаешь.

И словно в подтверждение его слов, Бандит встал, фырча размял одну за другой лапы и не спеша удалился.

– Это просто совпадение! – буркнула Цезария. – А теперь за дело, и поживее! Медбратья уже звонили, они приедут через полчаса.

И они принялись таскать чемоданы вверх по лестнице, которая ходила ходуном так, словно самую тяжёлую часть работы выполняла она, а не Чарли и Цезария.

Они жили в кособоком домишке в квартале, где дома стояли так тесно, что если бы один из них убрали, вся улица сложилась бы как домино. Как и большинство соседних зданий, дом Чарли был старый, шаткий, но тем не менее симпатичный. Паркет, стены и потолки частенько пребывали в музыкальном настроении и скрипели, аккомпанируя каждому шагу жильцов.

Чтобы помочь маме, Чарли взялся за самые тяжёлые сундуки и теперь уже почти выбился из сил. В комнате Цезария самозабвенно распаковывала бабушкины вещи, вешала платья на плечики, расставляла пожелтевшие книги на пол-

ках. Ба должна была приехать через двадцать минут... пятнадцать... десять... Чарли стало трудно дышать. Вспомнит ли она его? Наверное, нет, но в глубине души он всё же надеялся на это.

– Тьфу ты, никак не могу открыть... – вдруг сказала Цезария.

Чарли заглянул ей через плечо, чтобы понять, о чём идёт речь. Это был дорожный сундук из красного дерева, и что самое интересное, запаянный восковой печатью. Цезария немного попыхла над ним, но потом ретировалась:

– Ну ладно, займись им позже.

И тут раздался звонок в дверь.

– А вот и она!

Чарли, почувствовав, как сильно у него заколотилось сердце, замер на месте как вкопанный. Он был благодарен маме за то, что она одна спустилась вниз, чтобы встретить «Скорую помощь».

– Здравствуй, мама! – услышал он её звонкий голос. Цезария явно перегибала палку, стараясь показать, как она рада.

Через несколько минут Чарли услышал, как лестница ноет под весом сразу нескольких человек.

Она уже здесь.

– Вот твоё комната. Ты уже много раз здесь спала. Ты помнишь? Нет? Ну ладно, не страшно.

Она такая худая! Такая потерянная! И волосы у неё сваялись – а ведь она всегда так тщательно раньше за собой

следила, всегда была такой кокеткой!

Цезария довела мать до кресла, которое она в конце концов оставила возле окна, и помогла ей сесть:

– Чарли, можешь за ней присмотреть? Мне нужно пойти подписать бумаги.

Чарли кивнул. Дыхание у него спёрло так, что ему стало больно. Он услышал, как мама снова спускается на первый этаж. Ба не двигалась. Вечерний свет падал на её седые локоны. В комнате было спокойно, словно здесь испокон веков всё так и было.

Чарли направил тревогу в правую руку и крепко сжал кулак. Это давно вошло у него в привычку. Он сгонял негативные эмоции в ладошку, а потом сжимал их в кулаке, как будто комкал листок бумаги. После этого он чувствовал себя намного лучше. Почему он подавлял свои эмоции? Не оттого ли, что его мама всегда позволяла своим вырываться наружу? Или же это было связано с тем, что произошло пять лет назад?..

– Ба? – позвал он тихонько.

Пожилая женщина подняла на него пустые глаза.

– Это я, – сказал он, волнуясь, – Чарли, твой внук.

Она перевела пустой взгляд на окно. До этого момента он ещё на что-то надеялся, и такая реакция застала его врасплох. Его бабушка неподвижно сидела в кресле и уже забыла о том, что он тоже в комнате. От наплыва чувств Чарли пришел в смятение. Вдруг он услышал шёпот, который ста-

новился всё громче и громче:

– Чарли...

Он посмотрел на бабушку, но та сидела неподвижно.

– Чарли... – снова слышались голоса.

Он оглядел комнату.

– Чарли... Чарли... Чарли...

Шёпот доносился из деревянного сундука, который мама так и не смогла открыть. Чарли дотронулся до него, но не успел даже толком рассмотреть восковую печать, на которой был изображён кот в котелке, как та расплавилась и крышка со щелчком приоткрылась.

Чарли колебался, ему не хотелось копаться в бабушкиных вещах – но сундук же сам его позвал... Чарли приподнял крышку и заглянул внутрь.

Там лежало зеркальце с ручкой, инкрустированной огромной белой жемчужиной. Ещё там была забавная мягкая бархатная шапка, на которой лежали три огромные конфеты в блестящих фантиках.

Чарли с удивлением взял зеркальце и посмотрел в него – но вместо своего лица он увидел лицо своей бабушки: она глядела на него осмысленно и строго – как раньше.

– Чарли, – сказала зеркало.

– А-а-а-а! – закричал Чарли и, бросив зеркальце обратно в сундук, попятился назад, но зеркало продолжало говорить:

– Если ты получил это сообщение значит, у меня ничего не вышло. – Зеркало замолчало, словно выжидая, когда

Чарли снова достанет его из сундука. Бабушка в отражении выглядела растерянно:

– Так, о чём это я? А, знаю... Я постепенно лишаюсь памяти. Это не болезнь. Всадник забирает у меня воспоминания, одно за другим. Ты должен быть осторожен, потому что... Так, а на чём я остановилась? – Из зеркала послышался звук мнущейся бумаги, и в следующую секунду Чарли увидел, как бабушка читает по бумажке: – Да, ты должен... В общем, ты маг – ты знаешь об этом? Я не должна тебе об этом напоминать, но раз уж ты получил это сообщение значит, мы снова встретились и ты должен быть готов. – Отражение, казалось, отчаянно вчитывается в бумажку. – Ты такой же, как и я. Связь с магическим миром, скорее всего, ослабла, но если ты всё ещё разговариваешь с Бандитом – это верный признак того, что... так, о чём я говорила?.. – Снова звук мнущейся бумаги. – Ты маг, Чарли. Иди к Учителю Лину, скажи, что ты от меня. Ты найдёшь его магазинчик в переулке Шальных. Он там уже много лет, ты должен убедить его, что... Скажи ему, что... – Она тряхнула головой, в который раз забыв, о чём говорила. – Я оставляю тебе эту шапку-выручалку. Это совершенно уникальная вещь, она тебе поможет. Конфеты тоже очень ценные – каждая заряжена мощным случайным заклинанием. Они защитят тебя. Может, я потеряла память, но я всё ещё Магистр магии! И... Так, о чём это я?.. Да, мои воспоминания. Это Всадник у меня их забрал. Ты должен быть очень внимателен, потому что... Мне очень ско-

ро нечем будет платить! – Отражение помутнело и исчезло. Чарли подумал, что это конец сообщения, как вдруг внезапно в зеркале снова появилось лицо бабушки, на этот раз гораздо чётче и ближе, чем раньше. – И ещё, Чарли: мне очень, очень жаль! – И бабушка в отражении заплакала.

4

Немного магии

Какое-то время Чарли не мог прийти в себя просто невозможно было поверить, что всё это произошло с ним наяву. После того как зеркальце передало ему послание, оно снова стало самым обычным зеркалом, немного потемневшим от времени. Ба сидела в своём кресле, помалкивая в унисон повисшей тишине. Несколько долгих секунд спустя Чарли решил обратиться к ней:

– Ты что, правда колду... волшебница?..

Она не ответила, но рука у неё дрогнула. Возможно, просто совпадение. Секунды тянулись, и Чарли не знал, что и думать. Глубокий шок парализовал его мысли, а вопросов становилось всё больше и больше.

– Мне тоже очень жаль, что всё так произошло, – сказал он наконец.

Он не знал, о чём именно он сожалеет, но бабушка всё равно не обращала на него никакого внимания. Чарли долго крутил зеркальце в руках. С одной стороны, он хотел что есть мочи закричать «Да это чёрт знает что!». Но с другой – у него появилось странное ощущение, что он держит в руках хорошо забытую детскую игрушку. В его памяти ничего не отозвалось, но сердце подсказывало, что когда-то давно... Неужели магия была частью его жизни?!

Вдруг на первом этаже хлопнула входная дверь, и Чарли напрягся. Мама могла подняться, войти в комнату и увидеть открытый сундук. Он схватил его в охапку и побежал в свою комнату. Заперев за собой дверь, он поставил сундук на кровать.

– Мяу, – подал голос Бандит, который всё это время ходил за Чарли хвостом.

Чарли прокручивал в голове всё, что сказала ему в послании бабушка, но цельной картины не получалось. Он никак не мог связать разрозненные факты между собой. Он должен был найти некоего Учителя Лина – но зачем? Рассказать ему, что бабушкины воспоминания украл некий всадник? И

что потом? Попросить его помочь найти этого всадника? Да, определённо, именно так и нужно действовать... Но эта история шита белыми нитками! Может, бабушка просто выдумала её, потому что теряет память? Здравый смысл не позволял Чарли поверить в этот абсурд. Но тогда что же он видел в зеркальце?!

Чарли склонился над сундуком. Три конфеты были завёрнуты в фантики разных цветов и напоминали яркие новогодние хлопушки, которые взрываются с хлопком, когда их тянешь за два конца, и из которых сыплются конфетти и всякие приятные мелочи. И вот эти конфетки заряжены мощными случайными заклинаниями, которые могут его защитить? Чем же бабушка их начинила?

Чарли одолевали сомнения. Всё это слишком странно, и чтобы действовать дальше, ему необходимо как следует разобраться. Но расставаться с одной из волшебных конфет ему не хотелось. Тогда он достал из сундука шапку: она оказалась мягкой и с виду скорее неказистой, и... не придумав ничего лучше, Чарли надел её на голову.

Поднялся вихрь из ярких крошечных звёздочек. Чарли почувствовал, как его одежду тянет во все стороны. Бандит, который всё это время крутился у его ног, несколько раз чихнул. А потом всё прекратилось.

Чарли поднял глаза и увидел, что кот, прижав уши к голове, уставился на него как на незнакомца.

– Это же я, приятель. Ты чего... Ой!

И тут Чарли увидел себя в зеркале. Он поднёс руку к шапке и икнул от удивления. Если верить отражению, на нём теперь было кимоно с широким красным поясом. А бархатная шапка превратилась в стильный котелок. Наряд был экзотичным и вместе с тем элегантным.

Когда Чарли снова дотронулся до шапки, кимоно на нём сменилось синим костюмом и светлым плащом с шёлковой подкладкой, а вместе с костюмом появился свободно повязанный галстук с серебряной булавкой. Котелок же превратился в шляпу. Чарли похлопал по полам шляпы – и вот он уже в чёрном костюме, в котором, впрочем, тоже угадывался восточный стиль. Шапка в этот раз превратилась в цилиндр.

– Невероятно! – сказал Чарли, довольный результатом.

Он почувствовал, что его трясёт. Ну и что же это значит? Неужели он *маг*?! А бабушка? На самом деле она не больна. У неё украли память. А это означает, что память ей можно вернуть... Но как? Она просила его пойти к некоему Учителю Лину...

Чарли вышел из комнаты и увидел, что мама суетится около бабушки.

– Можно... я пойду погуляю? Пожалуйста?

Мама посмотрела на него с упрёком, отчего Чарли немного покоробило. Выглядело всё так, будто он оставлял её наедине с семейными проблемами, хотя всё было ровным счётом наоборот.

– Да, конечно, – ответила она наконец. – Для тебя это

слишком тяжело, я понимаю. Будь дома не позже девяти, хорошо?

– Хорошо.

Он уже собрался уйти, но мама его окликнула:

– Чарли?

«Сейчас она спросит у меня про костюм», – вдруг понял Чарли и уже стал думать, что же ей на это ответить. Но мама смотрела на него некоторое время, а потом спросила:

– Странно... Ты что, сменил причёску? – Она была явно сбита с толку: так выглядят люди во время дегустации вслепую, когда пробуют что-то новое и никак не могут понять, что же это за вкус.

– Да нет. Ладно, пока, мам. Бандит, ты идёшь? – позвал он кота, выходя из комнаты.

– Он всего лишь кот! – крикнула мама из комнаты. – Ты же знаешь, что он тебя не понимает.

Но Бандит проворно побежал к выходу вслед за Чарли.

– Это ещё ничего не значит! – воскликнула мама им вслед. – Это животное всегда меня пугало!

* * *

– Чарли? – послышался голос Джун.

Чарли удивлённо обернулся. Он не ожидал встретить свою подругу, хотя она играла в мяч там же, где и обычно: на площади с ничем не примечательным фонтаном, который

тихонько побулькивал себе в своё удовольствие. Площадь была засижена голубями, а ветер, одолевший горы и поля, добравшись сюда, запутывался в деревьях и затихал. Свита разнообразных запахов, которая сопровождала его в долгом путешествии, оседала на площади, не зная, куда податься. В тот час это был запах розмарина и жжёной листвы. Вместе они вызывали тошноту, и Чарли удивился, почему Джун это терпит. А дело было в том, что она никогда не зашла бы за ним домой: Джун презирала власть в любых её проявлениях и поэтому старалась держаться подальше от директрисы. И иногда договориться о встрече им с Чарли было непросто. Джун три года подряд надоедала ему уговорами, чтобы он уломал маму купить ему мобильный телефон. Но Цезария не любила всякого рода технику, и Чарли не настаивал: имея такую подругу, как Джун, сто раз подумаешь, прежде чем дать ей возможность звонить в любое время дня и ночи.

– Супер! Мамашка отпустила тебя погулять! – воскликнула она, видимо, не заметив нового наряда Чарли. – Значит, я не зря ждала. Сыграем? Подожди, ты что, сменил причёску?

– Э... Вообще-то мне надо в переулок Шальных... – попытался уклониться Чарли.

– Я с тобой.

Джун поставила жирную точку в конце предложения, ударив о землю мячом, который, отскочив, полетел прямо в Бандита. Кот отпрыгнул, избежав удара, и громко замыкал, выражая негодование.

– Будь аккуратнее с моим котом, – сказал Чарли.

– Всё-таки это странно, что он ходит за тобой по пятам.

Прямо как собака.

Бандит посмотрел на неё таким оскорблённым до глубины души взглядом, что Чарли виновато ему улыбнулся, как бы извиняясь за подругу. Обиженное существо взобралось по водосточной трубе на крышу и исчезло из виду. Теперь Бандит был больше похож на «нормального» кота.

– Он начал ходить за мной ещё совсем маленьким котёнком. Он... как бы сказать... В общем, ничего странного в этом нет.

Всю дорогу Джун воодушевлённо вещала. Она была настолько увлечена своим рассказом, что не замечала ничего и никого вокруг. А Чарли, находясь под впечатлением от своих недавних приключений, слушал урывками и время от времени поддакивал, что прекрасно вписывалось в непрерывный монолог Джун.

– Мангуст иногда очень странно себя ведёт, – рассуждала Джун. – Когда мы сегодня драили школу, она сказала: «Столовую оставьте мне». Так вот, когда я через десять минут пошла посмотреть, как там дела, столовая вся блестела, клянись тебе!

– Правда?

– Да! Согласна, она ходячий электровеник, об этом все знают, но есть одно «но» – окна. Я точно помню, что после сегодняшнего порешного боя они были все заляпаны кар-

тошкой – это же было просто легендарное побоище! Но когда я зашла в столовую, они оказались кристально чистыми, они блестели на солнце и всё такое! Она их полностью отмыла! А они же просто огромные, аж до самого потолка!

– Понятно.

– Ну. Короче, я начала скандировать: «Прокричим «Ура!» в честь Мангустины!» А она мне в ответ: «У тебя что, не все дома?» – и бросилась наутёк, как будто я её за это укусила или ещё что.

– Ого.

– Я, конечно, понимаю, она тёртый калач в вопросе уборки, её ведь каждую неделю оставляют, и она, наверное, уже давно дотюкала до всяких там хитростей – ну, чтобы быстрее мыть. Но окна... это всё-таки...

– Ну да, ну да.

– Ты вообще меня слушаешь, или я просто так тут распи-наюсь?

– Мы пришли.

Действительно, они стояли на перекрёстке с извилистым и причудливым переулком Шальных. Одни дома в переулке своими террасами жадно поглотили огромные куски тротуара, другие опасно выпятили свои балконы над головами прохожих – в общем, творили кому что в голову взбредёт. Хотя в целом это была одна из тех элегантных полукрытых улочек с многочисленными изысканными бутиками, о которых говорят, что они пропитаны южным французским шар-

мом. Джун прыснула со смеху:

– Ха! Смотри! Прямо по курсу лого- во бабок! Никогда раньше его не замечала!

Она показывала пальцем на миленький чайный салон с крохотной террасой и изысканными чайными сервизами. На этой террасе, делая мелкие глоточки, неспешно наслаждалась послеобеденным чаем дюжина дамочек преклонного возраста. Вывеска гласила: «Ча-ча-чай».

– Пойдём, у меня возникла идея! – сказала Джун.

Чарли ей не ответил. Он только что заметил номер дома, в котором располагался чайный салон, – номер 30. Адрес, который сообщила ему бабушка. Чарли восторженно: он надеялся произвести хорошее впечатление. У его ног откуда ни возьмись появился Бандит и осуждающе замыкал в сторону салона.

Чарли поднял глаза – и в ту же секунду понял, что хорошее впечатление ему произвести, увы, не удастся: Джун селась панику среди посетительниц салона. Она весело бегала с мячом, ловко обводя его под и над столами, за которыми сидели перепуганные старушки. Уверенная в своей неприкосновенности, она, как обычно, ослепительно улыбалась и держалась крайне бесцеремонно. Старушки, в свою очередь, истошно визжали. Мяч не задел ни одного стола, зато бабушки сами роняли свои чашки с чаем и опрокидывали блюда с пирожными. Со стороны всё это напоминало хаотичные метания обезумевших голубиц.

– Учитель Лин! Учитель Лин! – визжали старушки.

Как только Чарли его увидел, то понял, что это именно тот, о ком говорила бабушка. Высокий азиат в круглых очках... Нет, не в очках – в пенсне. У него были длинные каштановые волосы и костюм из алой ткани с роскошной вышивкой.

– Так-так, что тут происходит? – спросил он, одёргивая рукава своего великолепного одеяния. Он говорил с расстановкой, словно каждым словом одаривая своих собеседников.

Благородные пожилые дамы повели себя менее достойно, чем Учитель Лин, и стали наперебой тыкать в Джун пальцем и громко кудахтать. Учитель Лин гневно посмотрел на Джун.

– Я не сделала ничего противозаконного, мсье! – сказала она, по-хулигански ухмыляясь.

– Чего ты хочешь? – произнёс Учитель Лин слово за словом, чётко расставляя их в идеальном порядке, словно переверачивая за покерным столом карты в выигрышной комбинации. Медленно, элегантно, пребывая в мрачном настроении. Вопрос следовало понимать буквально, и Джун не могла поверить, что выиграла так легко:

– Ну... Если бы у меня была двадцатка, я могла бы позволить себе более развивающее занятие и перестала бы пинать мяч. Вы понимаете, что я имею в виду, мсье?

– Я дам тебе десять – и чтоб духу твоего здесь не было! – сказал как отрезал Учитель Лин, протягивая ей купюру.

Джун не стала спорить и, подобрав мяч и вся светясь от гордости, подошла к Чарли, размахивая купюрой у него под носом. До этого момента Чарли ещё надеялся сделать вид, что они незнакомы.

– Видел, как я всё провернула? Пойдём съедим по блинчику, я угощаю. Ну, что встал?

– Вообще-то, – сказал Чарли, – мне нужно было обсудить кое-что очень важное с тем типом, у которого ты только что выклянчила деньги и который теперь понял, что мы друзья.

– Ой, – произнесла Джун, – Ну... извини. – И добавила шёпотом: – Хочешь, я тебя ударю – и тогда он подумает, что мы совсем не друганы?

– Нет, спасибо. Тебе лучше уйти. Увидимся завтра на занятиях.

– Ладно, удачи! – И, к его великому облегчению, она бросилась наутёк.

Чарли сделал глубокий вдох и направился к Учителю Лину, который в тот момент хлопотал вокруг своих клиенток, сюсюкаясь с ними и успокаивая елейным голоском:

– Дорогие дамы, примите мои самые искренние извинения за произошедший инцидент. А чтобы вы меня простили, я всех вас угощу профитролями!

– Ну что вы, Учитель Лин! Ведь это не ваша вина! – жеманно отвечали старушки, уже облизываясь в предвкушении изысканных пирожных.

– В таком случае, будем считать, что это подарок моим

дорогим клиенткам в благодарность за их преданность!

Пока старушки хихикали и наперебой рассыпались в благодарностях, Чарли подошёл поближе к салону, а вместе с ним и Бандит, который вился у него в ногах. Заметив его, мужчина в алом костюме нахмурился:

– Молодой человек, если вы тоже рассчитываете получить от меня какую-то выгоду, то я вас сразу разочарую. Я и так уже слишком много дал вашей подружке-пройдохе, так что не выводите меня из себя.

– Нет, я... Это не то что... Меня к вам прислала моя бабушка...

– Ваша бабушка? Она что, одна из моих клиенток?

Чарли окинул взглядом старушек, уже наевшихся заварных пирожных и теперь мирно болтающих, и подумал, что, даже когда его бабушка находилась в добром здравии, она ни за что не стала бы вот так прохлаждаться с подружками в чайных салонах, попивая чай с пирожными.

– Нет, не думаю, – ответил Чарли. – Вообще-то я насчёт... э... ну как бы... – Теперь, стоя перед Учителем Лином, он не мог подобрать слов. Что сказать? Что ему нужна помощь Учителя Лина, чтобы отыскать память его бабушки? Одним словом, от странности ситуации у Чарли отнялся язык.

– Ну и? Молодой человек, на вашем месте я бы поторопился с ответом, потому что я не собираюсь стоять здесь и любоваться вашей физиономией... – Тут он заметил шапку Чарли, и его лицо приняло крайне озадаченное выражение. –

Так-так. Шапка-выручалка... И не какая-то там! – Он перевёл взгляд на лицо Чарли: – У вас на шее нет кулона недомага. – И, немного помолчав, добавил: – Нам стоит продолжить разговор внутри. Здесь нас могут увидеть.

– Кто? Пожилые дамы?

– Кто? Нет, конечно! Я имел в виду других индивидуумов, гораздо более опасных.

Чарли беспокойно оглянулся, но никого не заметил, кроме женщины в плаще, идущей по улице, у которой вместо носа было свиное рыло.

Он тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, и последовал за Учителем Лином в его чайный салон.

Внутри вдоль стен одна на другой стояли сотни упаковок чая. Послеобеденный свет узкими полосками просачивался в комнату и ложился на кресла из красного бархата. Плотные ковры частично покрывали паркетный пол из тёмного дерева. Пахло здесь приятно. Чарли не особенно любил чай, но его запах всегда вызывал у него ощущение тепла и уюта.

Но самым странным в салоне были, бесспорно, два дерева, растущих прямо из пола. И кусты, которые Чарли сначала принял за цветы в горшках. Потом он заметил, что сквозь обшивку кресел и даже из книжных полок пробиваются молодые побеги. Казалось, что вся деревянная мебель внутри салона была живой.

Вдруг лицо Чарли обдало лёгкое дуновение – и в ту же секунду он увидел, как захлопнулась одна из дверей. Учи-

тель Лин нахмурил брови и задумался, как если бы о чём-то вспомнил.

– И всё же здесь безопаснее, чем где бы то ни было, – прошептал он, аккуратно откинув свои шелковистые волосы. – Было видно, что жест этот отрететирован: волосы идеальным каскадом легли на спину Учителя.

Бандит вперился в них, как в новую игрушку. На него нахлынули тёплые воспоминания о шерстяных сваянных комочках, с которыми он когда-то играл. Кот в упор смотрел на Учителя Лина, Учитель Лин – на кота. И кот решил не рисковать. Чтобы сохранить лицо, он свернулся калачиком на кресле с таким видом, словно был принцем голубых кровей, и, убедившись, что после него везде остаётся белая шерсть, довольно замурлыкал.

– Кто твоя бабушка? – спросил Учитель Лин. Обращаясь к Чарли, он смотрелся в очень красивое, украшенное по всему периметру огромными переливающимися жемчужинами большое зеркало во всю стену и, казалось, был очень доволен своим отражением. Он разглядывал себя с таким наслаждением, словно любовался произведением искусства.

– Её зовут почтенная Мелисса, – ответил Чарли.

– Почтенная Мелисса, говоришь, – повторил за ним Учитель Лин.

Чарли показалось, что Учитель перестал дышать и теперь смотрел на него с любопытством. Достав из кармана пилочку для ногтей, он стал один за другим подравнивать и так уже

идеальные ногти.

– Всадник украл её воспоминания, – сказал Чарли. Он ожидал, что его слова произведут эффект разорвавшейся бомбы, но Учитель ограничился односложным ответом:

– Знаю. – Он убрал пилочку и соединил пальцы рук. – А ты, значит, её внук. Не буду скрывать: я немного удивлён. Ведь даже для недомага ты... совершенно неотёсан!

– Для... кого?

– Для не-до-ма-га. Недомаг – новичок, у которого ещё нет ни одной магической степени, а он уже совершенно наглым образом творит магию, точнее – недомагию. Ему невдомёк, что он недомаг. И кстати, я не совсем точно выразился на твой счёт, поправлюсь: ты не просто неотёсан – ты невежествен до безобразия! Ну вот где твой кулон? Только не говори мне, что внук почтенной Мелиссы ведёт нелегальный образ жизни!

– Э... дело в том, что... я узнал, что я маг, только час назад. У меня ещё нет... как там его... кулона недомага.

– А твой Спутник мага у тебя тоже час назад появился? – Учитель Лин с осуждением ткнул пальцем в кота, на что тот смерил Учителя презрительным взглядом.

Чарли же попытался оправдаться:

– Вы хотите сказать – моё домашнее животное? Так его зовут не Спутник мага, а Бандит. Он у нас давно, мне его бабушка подарила на Рождество семь лет назад...

– Значит, ты живёшь нелегально минимум семь лет. Пре-

красно. Не могу поверить, что она пошла на такой риск! К несчастью, твоя бабушка всегда любила преподносить неприятные сюрпризы. – Он быстро подошёл к одному из шкафчиков и начал в нём рыться. – Какая удача, что я сохранил свой кулон!.. Если бы тебя поймал патрульный или кто-то не такой добрый, как я, то тебя бы, мой мальчик, навсегда бы отправили в Святые Розги!

Чарли не успел озвучить вопросы, которых у него к тому моменту накопилось немало, как Учитель Лин протянул ему золотую цепочку с кулоном. Это было что-то вроде песочных часов. В верхней их части был золотой песок, который, казалось, и не собирался сыпаться вниз. А на корпусе часов были изображены три звезды.

Показав на верхнюю часть песочных часов, Учитель Лин сказал:

– Это количество магии, на которое ты имеешь право. – Потом, показав на нижнюю, пустую часть, добавил: – А в этой части – магия, которую ты уже использовал. Через месяц часы сами переверачиваются.

– А если использовал не всё? – спросил Чарли, который старался ничего не упустить.

– К сожалению, так не бывает. Магия, увы, тратится слишком быстро. Даже мне приходится экономить, а мне, так как я Элементарият, полагается больше магии, чем тебе. И ещё, будь очень аккуратен и старайся не потерять ни одной звезды: стоит расстаться с одной – глазом не успеешь моргнуть,

как отберут две другие.

– А как можно потерять звезду?

– Делая глупости. При следующем нарушении забирают ещё одну, а если заберут и третью, то либо плати гигантский штраф, либо прямиком отправляйся в Святые Розги.

– А что такое Святые Розги?

– О, об этом, мой мальчик, тебе лучше не знать. Но я настоятельно рекомендую тебе не терять бдительности, потому что вернуть звезду невозможно, если только однажды ты не совершишь какой-нибудь подвиг. Поэтому лучше вести себя разумно. А сейчас надень-ка цепочку и, как только закончишь с формальностями, приходи к нам в библиотеку. – И Учитель Лин так эффектно взмахнул своей блестящей гривой, что Чарли пришлось пригнуться, чтобы она его не задела. Ведёт себя как... единорог какой-то. Учитель Лин открыл дверь и резко захлопнул её за собой.

Чарли остался один.

– Понятно, – произнёс он. – Просто чокнутый какой-то.

Бандит спрыгнул с кресла и теперь тёрся о ноги Чарли, чтобы его подбодрить. В благодарность за поддержку Чарли его погладил. Он посмотрел на цепочку и, немного поколебавшись, надел её на шею. Вокруг кулона поднялся вихрь из мелких звёздочек, и Чарли услышал голос, который сразу ему не понравился:

– *Как тебя зовут, недомаг?*

– Э... Чарли.

– *Чарли? И?* – настаивал мрачный голос.

– Чарли... Вернье, – сдался скрепя сердце Чарли.

Голос был какой-то загробный и совсем не вызывал доверия. К тому же интуиция подсказывала Чарли, что бабушка прислала его сюда совсем не за этим.

– Чарли Вернье, с этого момента ты внесён в реестр в качестве недомага. Тебе следует сдать экзамены на получение степени Элементариаата до того, как тебе исполнится двадцать один год. Если ты не сделаешь этого в надлежащие сроки, то всё, что связывает тебя с магией, будет стёрто из твоей памяти. Ношение кулона обязательно вне зависимости от обстоятельств. Отныне ты обязан подчиняться правилам Академии. После трёх нарушений, зарегистрированных патрульными, ты будешь отправлен в Святые Розги, где займётся твоим перевоспитанием. Теперь сообщи, кого в случае назначения наказания должна будет известить Академия. Просим указать мага, владеющего по крайней мере степенью Элементариаата.

– Э... ну я... – промямлил Чарли, растерявшись, а потом назвал первое имя, которое пришло в голову, – Учитель Лин?

– *Учитель Лин. Личность подтверждена. Добро пожаловать в наши ряды, недомаг Чарли Вернье.*

К большому облегчению Чарли голос наконец замолчал, и Чарли, сжав в кулаке зарождающееся беспокойство, перевёл дух. Да, мир магии его завораживал, но сейчас он показался

ему крайне враждебным.

Так как Чарли покончил с тем, что поручил ему Учитель Лин, он вежливо постучал и вошёл в ту дверь, за которой некоторое время назад исчез Учитель. Когда он вошёл в комнату и огляделся, у него перехватило дыхание: это была библиотека-лес. Это было поразительно даже не потому, что помещение было огромным, а скорее потому, что книжные шкафы превратились в деревья и книги рядами удобно расположились на их ветках. Опершись спиной о дуб, Учитель Лин тихо разговаривал по телефону. До Чарли не доносилось ни единого слова, но как только к нему подошёл Бандит, он вдруг отчётливо услышал, как Учитель Лин говорит:

– Я не знаю, имеет ли этот артефакт хоть какое-то отношение к нам. Вполне возможно, что это ловушка!.. Мои воспоминания ведь очень ценны. Хотя, может, это действительно просто глупая шутка молодых людей. Они ведь считают, что им всё дозволено. И это вполне в их стиле. Наверное, не стоит сразу бить тревогу.

Продолжая слушать, что говорит Учитель, Чарли осмотрелся. Неподалёку на красном диване сидела девочка приблизительно его возраста. Она была одета в красное, а на голове у неё была конусообразная шляпа, на полях которой были прикреплены грибы. В ленту была вшита тусклая жемчужина. Светлые волосы девочки были собраны в хвост, а в поношенном платье ещё угадывался элегантный стиль, хотя на нём тут и там были заплатки разных цветов. Чарли пока-

залось, что он её знает, но рассмотреть её как следует он не успел, потому что девочка бросила на него испепеляющий взгляд. Смотрела она как-то странно: слишком сильно щу-рясь.

Вдруг книга, которая лежала у неё на коленках, взлетела, размахивая страницами, как крыльями. Чарли понял, что его кот готовится прыгнуть вслед за ней – он практически услышал его мысли, которые свелись к одному-единственному слову «Птич-ч-чка!».

– Нет, не... – хотел остановить его Чарли.

Но девочка опередила его и громко пригрозила Бандиту, прожигая его взглядом:

– Даже не думай, грязное животное, или я метну в тебя заклинание, из-за которого у тебя вся шерсть вылезет!

Бандит лёг на пол с таким видом, словно именно это он и собирался сделать. А Чарли подумал, что актёр из него вышел бы никудышный.

Учитель Лин в это время продолжал нашёптывать в телефонную трубку:

– Нет, у меня нет новостей от Морнильи... Конечно же, меня это беспокоит! Она должна была уже вернуться к себе домой!.. Ты можешь отправить кого-нибудь проверить? Я должен идти, мне тут ещё надо разобраться с одним тунеедцем. – Он повесил трубку, и Чарли, поняв, что последняя реплика была о нём, поспешил начать разговор:

– Вот, я зарегистрировался в... в Академии.

– Хорошо. А раз тебя так заинтересовала эта юная особа, то ты хотя бы поздоровался бы с ней, что ли, как обычно поступают воспитанные люди. Это моя ученица, её зовут...

– ...Пергаментина, – перебила его девочка. – Простите, Учитель Лин, я просто предпочитаю представляться самостоятельно. А насчёт того, что я ваша ученица... Я думала, что я буду одна. Вы же не можете взять в ученики кого-то ещё? – Она сказала это с горечью в голосе, и Учитель Лин нахмурился, как если бы ему только что добавили ещё одну проблему к огромному количеству и так ещё не решённых вопросов.

– Извините, – ответил Чарли. – Наверное, я не должен был называть вашего имени при регистрации в Академии. Но у меня не было выбора...

– Ты назвал меня?! – Учитель Лин подпрыгнул от неожиданности. Его это явно не обрадовало.

– Извините, – повторил Чарли.

Учитель Лин помолчал какое-то время, делая вид, что думает, потом перевёл взгляд на девочку. Казалось, что он хочет немного сбить с неё спесь. Наконец он заявил:

– Я действительно собираюсь взять только одного ученика. На учеников тратится слишком много магии, а мне в ближайшем будущем может понадобиться моя квота. Но нет никаких гарантий того, что я оставлю место ученика за тобой, *Пергаментина*. В конце концов, этот молодой человек – родственник одной моей очень дорогой подруги.

– Как это понимать?! – оскорбилась девочка, резко встав с дивана. – Вы постоянно твердите, что я одарённая и смогу сдать экзамены на степень Элементариаата, может быть, даже в следующем году! У меня лучшие результаты почти по всем предметам и...

– Вот именно, что «почти», – подчеркнул Учитель Лин.

– Да, но он... он же... – Она с осуждением ткнула пальцем в сторону Чарли, который вздрогнул от неожиданности. – Я уверена, что он знает не больше обычного спокойного! – Она подошла к Чарли очень близко, так, что между ними оставалось всего несколько сантиметров. – Может быть, ты продемонстрируешь нам, на что способен?

– Мой кот понимает всё, что я ему говорю, – сказал Чарли наобум, но не без гордости за себя и своего кота: этот факт казался ему чем-то совершенно исключительным. – И я его тоже понимаю, в общих чертах.

Бандит нахохлившись, отрыгнул и проглотил комок шерсти в честь Чарли. Но Пергаментина вызывающе громко засмеялась:

– Это что, шутка?! Он считает, что готов, просто потому, что смог установить связь со Спутником! Ты серьёзно?! – Она развернулась к Учителю и добавила: – Учитель, прошу вас! Скажите, что вы не променяете меня на этого... этого несчастного недомажку!

Теперь Чарли помимо высокомерия слышал в её голосе нотки отчаяния. Пергаментина действительно очень испуга-

лась, что может потерять место ученика.

– Во-первых, спешу тебе напомнить, что ты такая же «недомажка», – ответил ей Учитель Лин. – Поэтому не стоит вкладывать в это слово столько презрения. Во-вторых, тебе ещё ни разу не удалось установить связь со Спутником, а тем более с котом. И в-третьих, я ещё не принял решения. Но раз уж ты так в себе уверена, то, думаю, будешь не против небольшого испытания?

В библиотеке наступила мёртвая тишина, наполнившая всю комнату вязким нарастающим давлением, похожим на то, когда тесто медленно раскатывается под весом скалки в тонкий блин. Пергаментина и Чарли не отрываясь смотрели на Учителя, ожидая, что он скажет. Наконец он произнёс:

– Сегодня в городе появилась ловушка для спокойных, и она сеет хаос. Думаю, в наш регион нагрянула золотая тэдемская молодёжь, и теперь эти баловни развлекаются, чтобы как-то скоротать время. Только они могут так бездумно проматывать состояния своих семей и так дерзко насмехаться над законом!

– А что такое «ловушка для спокойных»? – перебил Чарли. – И почему молодёжь «тэдемская»?

Пергаментина скорчила недовольную мину, а Учитель Лин вздохнул, огорчённый тем, что прервали его вдохновенный рассказ.

– Тэдем, – всё-таки снизошёл он до ответа, – это в каком-то роде столица мира магии, по крайней мере в нашей

части света. Академия находится именно там.

Чарли посмотрел на свой кулон:

– Академия, в которой я зарегистрирован?

– Мы все в ней зарегистрированы, – заметила Пергаментина. – Но чтобы жить в Тэдеме, нужно иметь кучу денег. Поэтому мы там не живём.

– Мы там не живём потому, что у нас нет никакого желания там жить, – поправил её Учитель Лин. – Отсюда до Тэдема более тысячи километров, но иногда мне кажется, что и этого недостаточно... Что касается ловушек для спокойных – это такие артефакты, оживлённые с помощью зловредной магии, для того чтобы жестоко подшучивать над спокойными, то есть над людьми, которые не посвящены в магию. Я могу продолжить?

Чарли с удовольствием задал бы ещё уйму вопросов. Он был восхищён миром магии, открывающим перед ним свои двери. Хотя чем больше он о нём узнавал, тем сильнее ему казалось, что это блуждающий огонёк, который заманивает его на болота и который рано или поздно приведёт его в трясины.

Но Учитель Лин дал понять, что больше он не позволит Чарли перебить его. Он продолжил говорить властным голосом, не терпящим возражений:

– Я главный маг в нашем регионе. Поэтому я буду первым, на кого падут подозрения патрульных. Естественно, у меня нет никакого желания платить штрафы, которые они

мне могут назначить. Разбираться с последствиями безобразий, которые могут натворить эти бездельники, мне тоже не хочется. Поэтому лучше я отправлю парочку недомагов, и пусть разбираются, а большего эти столичные баловни не заслуживают. – Он тяжело вздохнул, как если бы его обязанности были ему в тягость и он с удовольствием передал бы их кому-нибудь другому. И на самом деле так оно и было.

– Спасибо... от нас обоих, – проворчала Пергаментина. – Итак, что именно я должна сделать? – Она уже отстраняла Чарли от дела.

– Уничтожить ловушку для спокойных и достать жемчу. Я возьму в ученики того из вас, кто справится с заданием. Что касается проигравшего... Ну, в конце концов, я же не могу обучить всех на свете, правда?

– А что такое «жемча»? – снова перебил его Чарли.

Учитель Лин подошёл к нему:

– Ты не мог бы снять шапку? Я бы с удовольствием это сделал, но со своей головы снять её можешь только ты сам.

Чарли послушался Учителя Лина и снял шапку-выручалку. Увидев, что костюм не сменился его настоящей одеждой, он вздохнул с облегчением. Учитель провёл пальцами по подкладке и продемонстрировал Чарли жемчужину, которую тот не заметил, потому что она оказалась вшита внутрь колпака. Она была похожа на ту, что украшала бабушкино зеркальце, и на те, что Чарли заметил в оправе зеркала Учителя Лина, и ещё на жемчужинку, которая блестела в ленте

шляпы Пергаментины.

– Вот это и есть жемча, – сказал Учитель Лин. – И одна такая жемча приводит в движение ловушку для спокойных. А теперь уходите.

Пергаментина взяла метлу, больше похожую на кособокую палку, и направилась к выходу. Чарли увязался за ней. Когда они почти уже вышли из чайного салона, Пергаментина обернулась к нему и прошипела:

– Я тебя уничтожу! – Через мгновение она со всей дури врезалась во входную дверь.

БОООООУМ!

– Ой! Ты в порядке? – с беспокойством спросил Чарли.

Пергаментина первым делом резко провела рукой по своим волосам, словно проверяя, на месте ли хвостик, после чего рывкнула:

– Какой идиот закрыл дверь?! Наверняка это ты! Она всегда открыта. – Она попыталась нащупать ручку, и Чарли показалось, что она делает это почти вслепую, как будто плохо видит. Наконец она открыла дверь и оседлала свою метлу. Вблизи Чарли заметил, что из её черенка тут и там пробиваются молодые ростки с почками, а прутья покрыты молодой листвой и цветами. Пергаментина резким движением выдернула один из свежих побегов. – Это ещё ничего не значит, понял? Моя метла в отличном состоянии! У меня просто не было времени, когда я сюда прилетела. – И она взмыла в воздух.

Не веря своим глазам, Чарли смотрел, как Пергаментина поднимается всё выше и выше. Она задела водосточную трубу, разгромила красную черепицу на чьей-то крыше, запуталась в телефонных проводах и, чудом избежав столкновения с каминной трубой, исчезла из виду.

– Супер, – сказал Чарли, не найдя более подходящего слова.

Хотя кому он это говорил? Его ведь всё равно никто не слышал.

5

Пергаментина

На улице было полно народу, но, как ни странно, Чарли был единственным, кто заметил, как Пергаментина рассекает воздух на метле.

Как же найти эту ловушку для спокойных? Теперь, когда она бросила его одного, Чарли в полном расстройстве брёл по улице, не понимая, с чего начать поиски.

Вдруг он услышал крик. В нескольких метрах от него суе-
тились несколько подростков чуть постарше Чарли: на лице
одного из них красовался поросячий пяточок.

– Снимите с меня эту гадость! Снимите! – кричал подро-
сток, пытаясь его содрать.

И тут Чарли вспомнил, что уже видел пару поросячьих
рыл. Значит, нужно понять, откуда они берутся. Ловушка
должна быть где-то неподалёку, но как же её найти? Вдруг
он вспомнил, что, когда надевал шапку-выручалку, его кот
чихал.

– Бандит, ты что, чуешь магию? А здесь ты что-нибудь
чуешь?

Кот сначала засомневался, но потом принял решение лучше
и рванул с места. Он ловко вскарабкался на крышу и побе-
жал, перепрыгивая с одного здания на другое: передвигать-
ся так ему было привычнее. Чарли бежал по улице, стараясь
не отставать. Они пересекли два перекрёстка, а на третьем
Бандит вдруг остановился. Пергаментины здесь и в помине
не было, зато по улице катилась странная тележка: она дви-
галась сама, её никто не толкал...

– Отличная работа, – прошептал Чарли Бандиту.

Это была небольшая ярмарочная тележка, с каких обыч-
но продавали ароматное печенье в форме рыбок. По всей
улице распространился запах апельсинового сиропа. «Уго-
щайтесь!» – приглашала вывеска на тележке. Чарли поискал
взглядом ту самую «золотую молодёжь», которая, по словам

Учителя, организовала ловушку, но никого не увидел.

Прохожие брали с тележки угощение и как ни в чём не бывало шли дальше. На лицах некоторых уже появлялись пятячки, но никто, казалось, этого не замечал.

Чарли подошёл к тележке и увидел жемчужину, вдавленную в её деревянную ручку... И тут он заметил тень на фасаде здания напротив – это был силуэт человека в воздухе, и он стремительно приближался к Чарли.

– Она моя! – прокричала Пергаментина, резко приземлившись недалеко от Чарли.

Чарли инстинктивно отпрыгнул, чтобы избежать столкновения. Он заметил, что метла Пергаментины уже превратилась в буйно цветущий куст. А тележка, воспользовавшись моментом, поразительно быстро отшатнулась от Чарли, рассыпав ароматное печенье на мостовую. Видимо, она заподозрила неладное.

– Ты что, думаешь, что можешь вот так заявиться и украсть у меня мои уроки магии?! – закричала Пергаментина.

Было забавно наблюдать, как она кричит на Чарли, будучи чуть ли не в два раза меньше него. Может, она и знала несколько заклинаний, способных доставить ему неприятности, но Чарли было совсем не страшно. С другой стороны, он чувствовал, как Пергаментину трясёт от ярости, и понимал, как сильно она расстроена. Чарли подавлял свои собственные эмоции, но эмоции других людей он чувствовал очень

тонко.

– Извини, – ответил он. – Я ничего не имею против тебя. Просто мне правда это очень нужно...

– А ты думаешь, мне это не нужно? Я была первой! Найди себе другого учителя! – Она не успела дать волю эмоциям, потому что в тот самый момент тележка поехала прямо на неё. Пергаментина хотела отпрыгнуть, но не успела, и телега всем своим весом прижала её к стене. – А-А-А-А! – завопила она от боли.

– Я сейчас!

Чарли поспешил ей на помощь, но Пергаментина уставилась на него уже знакомым ему испепеляющим взглядом:

– Я не... нуждаюсь... ни в чьей... защите... понятно?! – сказала она, задыхаясь. После чего отрепетированным жестом начертила в воздухе огненный символ.

В тележку ударил сильный разряд, и её откинуло на несколько метров. Печенье расколосось на мелкие крошки, которые рассыпались по мостовой. А Пергаментина, освободившись, рухнула на колени, пытаясь отдышаться. Но тележка, недолго думая, снова взялась за своё. Чарли уже и забыл, что Пергаментина не хотела, чтобы он ей помогал, и, вытянув руку, схватил тележку за ручку, сразу же почувствовав, как под действием силы тяги захрустела каждая косточка в его теле. «Жемча!» – подумал он. Тележка уже отвлеклась от своей предыдущей цели и теперь собиралась протаранить Чарли. Быстрее! Чарли дотянулся до перламутровой жемчу-

жины и дёрнул её из углубления, в которое она была вставлена. К его великому облегчению, жемчужина сразу выпала и тележка в ту же секунду замерла.

В нескольких шагах от Чарли расстроенная Пергаментина пыталась встать на ноги. Она смотрела на свой кулон, висящий у неё на шее, точно такой же, как и у Чарли, только песка в верхней части поубавилось.

– Подумать только: растранижила магию на такую ерунду! – бормотала она себе под нос.

– Ты в порядке? – спросил Чарли.

Пергаментина с досадой посмотрела на жемчужину, которую Чарли сжимал в руке, потом подняла с земли свою метлу-куст и начала выдёргивать из неё успевшие вырасти за это время свежие ростки.

– Послушай, – сказала она наконец, – предлагаю тебе сделку. Давай скажем, что нашли жемчу вместе, только не рассказывай Учителю Лину, какой я оказалась беспомощной. Главное – сделать так, чтобы он взял к себе в ученики нас обоих. Идёт?

Чарли открыл рот, чтобы ответить «да, конечно, идёт», но Пергаментина его перебила:

– Взамен, я согласна поделиться с тобой некоторыми знаниями. У тебя есть право на три вопроса.

По её слишком уж торжественной интонации было понятно: она считает, что даёт ему уникальный шанс, которого он не заслуживает. Чарли принял бы её предложение даже про-

сто так, безвозмездно, но на карту было поставлено не только его благополучие. И если он хотел помочь своей бабушке, ему пора уже спуститься с небес на землю. Поэтому он согласился, и они направились в «Ча-ча-чай».

– Это нормально, что никто не пришёл к нам на помощь? – спросил он.

Пергаментина, прищурившись, посмотрела на Чарли. «Она что, совсем ничего не видит?» – подумал он. Но ответ Пергаментины, полный презрения, словно окатил его уша-том ледяной воды:

– Да что же ты такой глупый, а? Как будто вчера родился, честное слово! Спокойные магии не замечают. Она может на них действовать, но они всё равно пытаются найти этому рациональное объяснение и забывают всё, что им кажется хоть немного странным. Прохожие, наверное, решили, что мы просто ругаемся.

– Учитель Лин сказал, что спокойные не могут творить магию. Значит, это обычные люди, у которых нет нашего дара, правильно? – В ту же секунду Чарли понял, что зря потратил шанс узнать что-то полезное. Это был уже второй вопрос, который он задал, и это звучало скорее даже как утверждение. Но Пергаментина неожиданно вышла из себя:

– «Нашего дара»?! Да ты вообще за кого себя принимаешь?! Творить магию можно научить кого угодно! Не думай, что ты особенный, только потому, что тебя посвятили в магию!

– Э... извини. Я просто хочу разобраться. Итак, недомаги – это начинающие маги... И когда они достигают более высокого уровня, то становятся Элементариятами. – Он попытался произнести это без вопросительной интонации, надеясь, что Пергаментину сойдёт с толку тон «знатока», и это действительно сработало.

– Вообще-то Элементарият – это магическая степень, – сказала она. – Её можно получить во время шабашей, которые проходят в Тэдеме четыре раза в год, во время равноденствия и солнцестояния. Учитель Лин считает, что я смогу получить её до того, как мне исполнится шестнадцать. Тогда я стану самым юным Элементариятом за последние десять лет!

– Впечатляюще, – подыграл ей Чарли. – Так значит, Учитель Лин – Элементарият... – Ещё одно утверждение, от которого Пергаментина оттолкнулась, чтобы продолжить свой рассказ:

– Да. Но если хочешь знать моё мнение, его уровень более чем соответствует уровню Магистра магии. Он собирался защититься на степень пять лет назад, но наставница его бросила. Он не очень любит об этом вспоминать. – И, поскольку у Чарли был совершенно недоумевающий вид, объяснила: – Ты не можешь претендовать на степень самостоятельно. Тебе обязательно нужен кто-то со степенью выше, кто выступит твоим гарантом. В моём случае моим наставником и гарантом, чтобы я смогла сдать экзамен на степень

Элементарията, согласился быть Учитель Лин.

– Как много степеней. Значит, Магистр – это наивысшая степень. – Ещё один вопрос, замаскированный под утверждение.

Пергаментина и ухом не повела, хотя ответила не очень уверенно:

– Да... Хотя нет... Есть ещё Аллегии. Но Аллегория – это не совсем степень. Ну то есть в мире даже Магистров не так много. А тех из них, кто решается стать Аллегорией, и тех, кому это удаётся, вообще по пальцам можно пересчитать. Проблема даже не в том, что стать Аллегорией сложно, а в том, что вместе с этой степенью получаешь столько же обязательств, сколько и возможностей. Одним словом, это мало кого прельщает. И ты задал уже минимум пять вопросов, даже не потрудившись поставить в конце вопросительные знаки. Так что хватит. – И с этими словами она плотно сжала губы.

Чарли с удовольствием расспросил бы её об этих загадочных песочных часах, из которых были сделаны их кулоны, но настаивать не стал.

– Ты права, – ответил он, – я слишком увлёкся. – И он улыбнулся ей своей фирменной улыбкой.

Пергаментина посмотрела на него с подозрением, явно удивившись, что он не пытается с ней спорить. Рассматривая его, она так сильно сощурилась, что споткнулась о булыжник мостовой и чуть не упала. «Очки бы ей не помешали», – по-

думал Чарли.

Начинало вечереть. «Ча-ча-чай» уже закрылся. Но когда они зашли в салон, то увидели, что Учитель Лин чертит в воздухе большие огненные символы. Пергаментина сощурилась еще больше:

– Учитель? Это что, защитные заклинания? Кажется, они... очень мощные.

Учитель Лин надменно улыбнулся и, опустив руку в карман, достал оттуда кулон с песочными часами немного крупнее того, что достался Чарли. Нахмутив брови, Учитель посмотрел на песок, который пересыпался в нижнюю часть часов.

– Любой маг должен всегда защищать своё жилище, моя дорогая Мангус... Пергаментина, – сказал он. – Я уже давно не обновлял свои защитные заклинания и просто решил навести порядок – тебе не о чем беспокоиться. Лучше скажите мне, кто из вас двоих одолел ловушку для спокойных?

Пергаментину передёрнуло, и она стала рассказывать очень сильно приукрашенную историю о том, как они сражались с тележкой, умолчав о своих злоключениях. Чарли заметил, что врёт она из рук вон плохо. Он не решался её перебивать, а стоял и думал, что Джун справилась бы гораздо лучше: она бы так отлично соврала, что в результате убедила бы даже саму себя.

В конце концов, после долгих минут несвязного лепета, бесчисленного количества «э...», «а, нет, подождите...» и

«то есть я не это имела в виду!» Пергаментина попыталась подвести итог:

– А это значит, что мы нашли жемчу вместе. И заслужили награду в абсолютно равной степени.

Чарли выдохнул так, как будто это он приложил невероятные усилия, чтобы отчитаться перед Учителем. Он очень переживал за Пергаментину. Учитель Лин долго смотрел на неё, а она в ответ на это изобразила на лице ужасно неестественную улыбку.

– Понятно, – сказал Учитель. – Это как раз вовремя, ведь я упрекал тебя за то, что ты не можешь работать в команде. Верно? – Так как Пергаментина избегала его взгляда, он улыбнулся и добавил: – Что ж, видимо, у меня не остаётся выбора. Вы же рассчитываете, что я возьму в ученики вас обоих?

Чарли почувствовал, как у него скрутило желудок и перехватило дыхание.

А Учитель Лин продолжил:

– Ну раз уж вы выполнили моё задание, то я просто обязан найти решение. Никто за меня этого не сделает.

Чарли почувствовал облегчение. Пергаментина толкнула его локтем и прошептала:

– Отдай ему жемчу! Чего ты ждёшь?

Чарли достал из кармана жемчужину и положил её на ладонь Учителю Лину.

– Большое спасибо, – сказал тот. – А теперь мне нужно

кое-что обсудить с Чарли, а ты, *Пергаментина*, можешь идти домой.

Она ужасно обиделась:

– Я не могу остаться?!

– Нет, тебе ещё очень много нужно сделать. Например, написать сочинение на восемь страниц к завтрашнему дню на тему «Почему пытаться манипулировать своим наставником – плохая идея».

Ошарашенная, *Пергаментина* открыла было рот, но промолчала и наконец, склонив голову, произнесла:

– Хорошо, Учитель. До завтра, Учитель. – В конце её голос слегка дрогнул, как если бы она боялась, что Учитель избавится от неё насовсем. Она исчезла, сверкнув пятками, успев бросить убийственный взгляд в сторону Чарли.

Через несколько секунд он услышал, как она снова врезалась в стеклянную входную дверь: БОООООУМ!

Ой-ой. Он опять закрыл входную дверь!

6 Жемчи

– На самом деле, – сказал Чарли, как только Пергаментина вышла, – она бы отлично справилась и без меня.

– Я знаю, – сказал Учитель Лин. – В этом-то и проблема с Ман... с Пергаментиной. Она слишком привыкла рассчитывать только на себя. А сейчас следуй за мной.

Чарли послушался. Теперь, когда в чайном салоне не было посетителей, атмосфера здесь была совсем другой. Весело вгрызаясь в поленья, потрескивал огонь в камине, а пляшущие отблески окрашивали комнату в багровый цвет. Чарли с восторгом уставился на потрясающий клубнично-фисташковый торт, накрытый стеклянным колпаком, и, заметив это, Учитель Лин сказал:

– Он не настоящий. Я не такой талантливый, как твоя бабушка, и, сказать по правде, я вообще равнодушен к выпечке. А эти тарелки я просто заморозил: мои миражи могут одурачить только спокойных. Для тебя они на вкус будут как воздух.

Они сели перед камином в кресла, которые оказались очень удобными, хоть и были кое-где покрыты вьюном. На низком столике для них уже был приготовлен чайник и две чашки.

– Он сам всё сделает, – сказал Учитель Лин. – Этот вечный чайник как вечный двигатель, и у каждой чашки чая, которую он подаёт, свой вкус. Он сам его подбирает в зависимости от твоего настроения.

Чарли не был большим любителем чая, но он не мог оторвать глаз от чайничка, который семенял фарфоровыми ножками по столу, аккуратно наливая чай в чашки.

Учитель Лин в это время катал жемчужину на ладони:

– Мне нужно кое-что проверить, если позволишь. – Он закрыл глаза и, сжав жемчужину в кулаке, просидел так

несколько секунд, после чего тяжело вздохнул и показал жемчужину Чарли: – Знаешь ли ты, что это за предмет?

– Ну... это что-то вроде батарееки, с помощью которой можно заколдовать ловушку для спокойных? Хотя, наверное, все магические предметы работают по тому же принципу: ведь у меня в колпак тоже вшита жемчужина.

– Очень даже неплохо для малограмотного недомага. Знаешь, я кое-что понял: твоя неосведомлённость тебя защищает, и я, наверное, не должен тебя просвещать. Может быть, поэтому твоя бабушка... – Учитель Лин осёкся и, сделав глоток чая, задумался, перекатывая жемчужину между пальцами. – Магия... – начал он, – это дефицитный товар в нашем мире, поэтому не все могут ею пользоваться... и поэтому мы предпочитаем не посвящать спокойных в наши дела. Академия очень строго контролирует расход магии. Она скрупулёзно ведёт учёт всех недомагов и беспощадно отсеивает их во время сдачи экзаменов. Тот, кто проваливается на экзамене, а таких много, лишается права заниматься магией на всю оставшуюся жизнь. Но что самое важное... у всех, кроме членов Академии и Аллегорий, должны быть вот такие кулоны, похожие на часы... – Учитель достал из кармана свой кулон, и Чарли заметил, что тот в два или даже в три раза больше, того, что достался ему.

– Как ты уже понял, это измерительный прибор. Каждый раз, когда ты применяешь магию, Академия регистрирует потраченное тобой её количество. Твой счётчик обнуляется

каждый месяц. Однажды, когда тебе нужно будет использовать пару-тройку заклинаний, тебе захочется схитрить, и ты решишь снять кулон, перед тем как использовать магию. В такие моменты помни: некоторые патрульные и члены Академии посвящают свою жизнь изучению Всемирной магической сети, отслеживая по ней нарушения. И если они тебя выследят, то санкции... Хотя – глоток чая и, увидев недоумённый взгляд Чарли, пояснил: – Всемирная магическая сеть – это нечто вроде... карты магии в реальном времени. Она похожа на огромный ковёр, сотканный из волшебных нитей. Члены Академии, которые читают по сети, похожи на огромных пауков: они чувствуют малейшие вибрации этого магического полотна... Несложно догадаться, что маги становятся прижимистыми и магией направо и налево не разбрасываются. Но существует кое-что, в чём магию можно хранить.

– Жемчи?

– Именно. И это не что иное, как воспоминания магов. Принцип их работы прост: чем сильнее воспоминание и сам маг, которому оно принадлежит, тем больше в жемче содержится магии. А чем больше магии из неё впоследствии тратится, тем меньше остаётся от самого воспоминания. Есть ещё один интересный факт насчёт жемчи... Забрать жемчу у кого-либо против его воли невозможно. Извлечь жемчу из своей памяти может только тот, кому принадлежит воспоминание. По крайней мере, так было лет восемь назад. Эта жем-

ча, – и он показал жемчужину, которую всё это время держал в руках, – принадлежала очень могущественному Магистру. Я думаю, тебе стоит в неё заглянуть. – И он протянул её Чарли.

Чарли взял жемчужину и, сжав её в кулаке, закрыл глаза, стараясь подражать тому, что Учитель проделал минуту назад. Вдруг камин и кресла исчезли – Чарли перенёсся в другое место...

Почтенная Мелисса не совсем уверена насчёт этого нового заклинания, но ей очень хочется, чтобы оно сработало, потому что, копая мёрзлую весеннюю землю, она чуть не надорвала себе спину. Ведь яма должна быть достаточно глубокой.

Она кладёт на дно ямы фасолину и засыпает землёй.

Когда она выпрямляется, в спине у неё резко щёлкает. Земля тут же начинает трястись. Это хороший признак. Через несколько секунд росток пробивает землю и устремляется в небо. Вдруг раздаётся странное «КРРРРРДЦ» – это не совсем то, чего она ожидала услышать. Она понимает, что произошло, когда прямо к её ногам беспомощно падает Лин, а потом и его метла.

– Эта... штуковина преградила мне путь! – возмущается он. Потом встаёт и пытается пригладить волосы, которые ужасно растрепались. Шутки ради почтенная Мелисса рисует в воздухе руну, и Лина обдаёт порыв ветра.

– Это не смешно! – протестует Лин, откидывая волосы,

как тёмные плотные занавески, которые ветром сдуло ему на лицо. – Перестаньте транжирить магию!

– А ты, мой дорогой ученик, ну хоть немного порадуйся жизни!

– Я не в том расположении духа... Вы читали сегодняшний номер «Магического вестника»?

– Хм, в последний раз я его читала недели две назад. У нас в окрестностях гнездятся ястребы, и они принимают летающие газеты за врагов. Если честно, эти газеты издаются такие ужасные звуки, когда летают!

Молодой Лин кажется огорчённым:

– Значит, вы ни о чём не знаете. Я так и думал. Я только что из Тэдема. В мире магии появилась новая Аллегория.

Почтенная Мелисса в спешке снимает садовые перчатки, пытаясь скрыть, что встревожена. Да, она действительно пропустила событие мирового значения.

– И кто же это? – спрашивает она. – Неужели этому ужасному судье Денделиону всё-таки удалось стать Правосудием? Или среди нас каким-то чудом появилась Правда? Многим бы это не понравилось...

Лин отрицательно мотает головой:

– Нет, раньше мы такого не видели. Они называют его Всадником.

– Забавно. Но ведь непонятно, в чём именно состоит его функция.

– Я думаю, что они хотели избежать паники. Почтенная

Мелисса, дело в том, что это «психопомп», другими словами, проводник души в загробный мир.

Почтенная Мелисса бледнеет. Паниковать нет смысла. Поэтому она спрашивает абсолютно спокойным голосом:

– Ты хочешь сказать, что среди нас появилась Аллегория смерти?

– Да.

– О каком Академике идёт речь?

– Это не Академик. Ну то есть все сорок членов Академии всё ещё на своих постах. А что касается личности новой Аллегории, то никто понятия не имеет, о ком идёт речь.

– Это ведь самая ужасная Аллегория, которую только можно себе представить! Она материализовалась, будет ходить среди нас, и никто не знает, кто за этим стоит?

– Вот уж кто должен знать, так это Академия! – Лин смотрит на почтенную Мелиссу поверх очков.

– Перестань говорить намёками, – ответила Мелисса. – Я знаю, о чём ты думаешь, но члены Академии никогда не хотели видеть меня в своих рядах. Они уверены, что моя магия для них слишком проста.

– И всё-таки вам стоит подать заявку в следующий раз, когда кто-то из этих бесполезных старикашек скончается.

– Хм. Этим «бесполезным старикашкам» всегда нравилось называть себя «бессмертными». Но раньше это было образное выражение, а теперь, когда появилась Аллегория, контролирующая смерть, я уверена, что Академики смогут

протянуть целую вечность...

– Вы и вправду думаете, что они осмелятся так поступить? Это ведь немислимо – пойти против священного закона жизни!

– Вот поэтому нам и нужно собрать Ложу. Ты ведь из-за этого и прилетел, верно?

Вспоминание закончилось, и Чарли вернулся в кресло у камина.

– Это было воспоминание моей бабушки!

– Да. Забавное совпадение, правда? Но этому, скорее всего, есть логическое объяснение... Если у неё украли много воспоминаний сразу, следовательно, значит, они все одновременно появились на чёрном рынке. А это значит, что одно из них могло легко попасть в руки тэдемской молодёжи.

Чарли попытался собраться с мыслями:

– Выходит... этот Всадник не только крадёт воспоминания, но и управляет смертью?

– По правде сказать, это касается только магов. Над обычными людьми у Аллегорий нет никакой власти. Аллегория смерти способна отделить душу мага от его тела. И мы подозреваем, что иногда она забирает всю душу целиком, а иногда – её отдельные части. От этого зависит, выживает маг после встречи со Всадником или нет. Понимаешь?

Чарли кивнул, и Учитель Лин продолжил:

– Воспоминанию, которое ты только что видел, восемь лет. С того момента стало происходить именно то, чего мы

боялись: магией начали торговать. Несколько очень сильных магов потеряли память, и – что ещё более странно – амнезия постигла в основном участников группы, которая выступала против бесконтрольного поведения Академии.

– Эта группа – та самая ложа, о которой говорила бабушка в воспоминании?

– Тебе лучше об этом не знать – ради твоего же блага. Проблема в том, что мы не можем доказать, что воспоминания крадёт именно Всадник. По официальной версии, он ограничивается сбором душ тех, кто умирает. Принимая в расчёт ограниченность ресурсов магической энергии, возможность использовать магическую силу умерших ещё раз все восприняли как благословение. И вот уже восемь лет Тэдем процветает, а тэдемская молодёжь докатилась до того, что буквально транжирит жемчи. Посмотри: ведь они разъезжают по всей стране и веселятся, расставляя ловушки для спокойных.

– Вы хотите сказать, что они транжирят воспоминания моей бабушки?

– Я думаю, что они заманивают в ловушку меня. Для них было бы большой удачей заполучить такую ценную душу. Я уверен, что эти ловушки для спокойных не сегодня завтра начнут появляться по всему городу как грибы после дождя. О том, что я заглочу их наживку, и речи быть не может, поэтому ты пойдёшь вместо меня. Просто будь осторожен и смотри в оба.

– Подождите... Вы отправляете меня, потому что для вас это слишком опасно?

– А что тут такого? Разве ты не хочешь вернуть бабушке её воспоминания?

– Хочу, но мне бы не хотелось закончить, как она.

– Этого и не случится. Воспоминания недомага почти ничего не стоят, а твои, учитывая твой смехотворный уровень, и подавно. Всадник не станет марать руки ради такой мелочи. – Улыбка Учителя Лина стала шире, и Чарли показалось, что градус лжи в его словах увеличился прямо пропорционально. Так как Чарли смотрел на Учителя Лина с недоверием, тот попытался его убедить: – Поверь, лицом к лицу со Всадником ты точно не встретишься, хотя... пары любопытных встреч с молодыми людьми из Тэдема, наверное, не избежать. Зато во время следующего шабаша я смогу затащить их в суд при Академии – надо ведь когда-то остановить этот наплыв ловушек. А уж какой переполох тогда начнётся в Тэдеме и Академии! Жду не дождусь!

Чарли молча перекачивал жемчу в руке. Что же делать? Пойти на охоту за воспоминаниями и вести себя осторожно? Чарли был почти уверен, что Учитель Лин чего-то не договаривает... С другой стороны, разве у него есть выбор? Если он хочет отыскать воспоминания своей бабушки, он просто обязан пойти на это... Тем более что Учитель Лин собирается остановить наплыв ловушек для спокойных, а значит, жемчи не будут больше тратиться впустую.

– А... этот шабаш... он скоро? – наконец спросил он.

– Очень скоро. По правде сказать, он начинается в эти выходные.

Чарли удивлённо поднял брови. У них было гораздо меньше времени, чем он думал.

– Если ты сделаешь то, о чём я тебя прошу, – снова взялся уговаривать его Учитель Лин, – я обещаю, что я тебя туда отвезу. И я, конечно, не хочу забегать вперёд, но... если мы будем аккуратны и поговорим, с кем надо, то, возможно, нам удастся вернуть память почтенной Мелиссе. По крайней мере то, что от неё осталось.

– Очень хорошо, – сказал Чарли. – Тогда я обещаю вам, что буду осторожен. – Он, как обычно, ответил сдержанно, не выставляя напоказ свои эмоции, хотя сердце у него колотилось как бешеное. Неужели это и вправду возможно, чтобы его бабушка вновь обрела память? И так скоро, на следующей неделе? Ради этого стоило рискнуть, в этом Чарли не сомневался.

Пока Учитель Лин в какой уж раз расчёсывал свои волосы, Чарли убрал жемчу в карман.

– Уже поздно, а в такое время единственная, кого я могу вынести, – это Жюстина.

– А кто это – Жюсти...

И тут Чарли увидел огромного крокодила: он мирно спал в ногах у Учителя. Бандит, который до этого момента дремал, свернувшись калачиком на спинке кресла, подпрыгнул

как ужаленный, зашипел и бросился наутёк. Чарли тоже испугался и так быстро попятился к двери, что на ходу чуть не опрокинул несколько столиков.

– Первый урок магии – завтра в восемнадцать ноль-ноль. Не опаздывать. И не забывай про свою шапку-выручалку. Когда занимаешься магией, нужно выглядеть подобающе, ну или хотя бы создавать иллюзию, что на тебе приличный костюм. Магу не дозволено быть неряхой.

И дверь сама захлопнулась прямо у Чарли перед носом.

* * *

– Я уже собиралась звонить в полицию! – закричала Цезария, когда Чарли вошёл домой. Но она сразу же взяла себя в руки, хотя было видно, что ей пришлось сделать над собой невероятное усилие: – Ладно, главное – ты дома. Поешь чего-нибудь?

После всего, что произошло этим вечером, у Чарли не было аппетита. Но чтобы мама не переживала, он согласился на тарелку супа: родители успокаиваются, когда видят, что их дети хорошо едят.

– Хочешь... поговорить о бабушке? – У неё на лице было написано, что для одного дня она уже и так взяла на себя достаточно и подобный разговор скорее всего просто бы её добил. Чарли решил упростить ей задачу:

– Не беспокойся, всё хорошо. Вообще-то прогулка помог-

ла мне привести мысли в порядок. Извини, что оставил тебя одну разбирать бабушкины вещи. Можно мне пойти проведать её?

Мама вздохнула с облегчением (она попыталась сделать это незаметно, но у неё ничего не получилось). Чарли знал, что именно это она и ожидала услышать.

– Конечно. Я уже подготовила её ко сну... Думаю, ей будет с нами не так уж плохо. А ещё: я ведь нашла отличную сиделку, она будет присматривать за бабушкой, пока мы с тобой будем в школе.

Чарли кивнул и пошёл наверх, лестница, как обычно, жалобно заскрипела под его шагами.

Почтенная Мелисса сидела на кровати. Цезария переодела её в ночную рубашку, расшитую пышными кружевами, и положила ей на колени книгу, на которую бабушка не обращала никакого внимания. Вид у неё был потерянный, и она казалась очень маленькой в этой огромной комнате, которую не узнавала.

Чарли робко присел на край кровати. Его одолевали сомнения.

– Держи, это твоё, – сказал он бабушке, протягивая ей жемчу.

Она посмотрела на него потухшим взглядом, но жемчу взяла. Та, очевидно, узнала свою владелицу: засветилась и растаяла у бабушки на ладони. Бабушка широко раскрыла глаза и резко выпрямилась, словно к ней вернулось прежнее

Пироги

– Ну, давай рассказывай, что ты там перетирал с типом из чайного салона?

– Тс-с-с! Я слушаю!

Джун не стала настаивать. Чарли всегда был очень внимателен на уроках литературы. Она, конечно, не знала, что в тот день он углубился в изучение предмета по особой причине.

– Вполне очевидно, что в данном предложении присут-

ствует фигура речи, с которой вы уже знакомы – мы проходили её две недели назад, – продолжала объяснять учительница. – Но сегодня я хочу рассказать вам о представлении абстрактных понятий посредством конкретного художественного образа. Эта фигура речи называется аллегория. А теперь посмотрите на экран...

Они уже проходили аллегории раньше. Но до сих пор Чарли относился к этим сведениям без особого интереса, как и ко многим другим, которые должен был усвоить в рамках школьной программы. Другими словами, он просто забросил эту информацию в закрома памяти, чтобы достать её оттуда позже, если вдруг понадобится. Но теперь в свете случившихся накануне событий он слушал затаив дыхание.

Учительница показывала одну картинку за другой:

– Вы, скорее всего, уже слышали о такой известной аллегории, как аллегория справедливости. Как видите, в одной руке она держит меч, в другой – весы, а на глазах у неё повязка. А в этом случае это не человеческая фигура, а лев, который зачастую является аллегорией королевской власти. И наконец, аллегория, с которой вы уже знакомы по прошлым урокам – аллегория смерти.

Чарли внимательно разглядывал иллюстрации. На одной из них смерть была изображена в виде скелета, на другой – в виде девушки в чёрном плаще с капюшоном. Но в обоих случаях в руках у неё была коса и большие песочные часы. Был ли Всадник похож на эти аллегории?

Чарли попытался сопоставить то, что только что услышал на уроке, с тем, что уже знал о Всаднике, но, к сожалению, от раздумий его отвлекли: в класс прямо через окно влетел огромный сметанный пирог. И повис в воздухе.

Да, сметанный пирог. Летающий сметанник. Прямо посреди классной комнаты.

Чарли от удивления выпучил глаза. Ну точно, это был самый настоящий пирог, с золотистой корочкой и толстым слоем взбитых сливок, напоминающих бесконечные северные просторы, покрытые пушистым снежным одеялом (пирог удался на славу).

Сметанник, казалось, не знал, что делать: он метался из стороны в сторону... Чарли понял, что в классе никто, кроме него, пирога не видит, и ровно в ту же секунду летающий десерт замер, как охотничья борзая, почуявшая дичь, потом слегка накренился и рванул прямо к нему. Через секунду пирог со смачным звуком влетел прямо в лицо Чарли.

По уши в креме из взбитых сливок, Чарли услышал, как Джун гоготнула и прикрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться на весь класс. Чарли нащупал форму от пирога и отлепил её от лица. Потом, как смог, обтёр крем, оказавшийся на удивление липким. Когда ему наконец удалось открыть глаза, он увидел на дне формы небольшой клочок бумаги, на котором мелким почерком было написано:

«Найти себе наставника ужасно сложно. Раз уж нам придётся делить Учителя Лина, не пытайся меня обойти, или

я превращу твою жизнь в ад.

Пергаментина.

Р. С. Надеюсь, ты по достоинству оценил мой пирог-ищейку, мне этот рецепт удаётся на ура!»

– Святые угодники! Что с вами, Чарли?! – Учительница только что заметила, что его лицо измазано кремом из сметанного пирога.

Теперь на Чарли уставился весь класс.

– Э... – ответил он в порыве вдохновения.

Меньше чем за минуту в классной комнате воцарился хаос. Одноклассники Чарли повскакивали с мест, половина из них угорала со смеху, а другая – наперебой галдела. На своих местах послушно остались сидеть только трое: Чарли, Джун и Мангустина. Чарли не двинулся с места, потому что был ошеломлён, Джун – потому что хотела поддержать своего друга, а Мангустина – потому что никогда не тратила силы на пустяки.

Хаос продлился недолго. Учительница была из династии преподавателей, которые из поколения в поколение умирляли хулиганов и никогда не шли на поводу у класса. В результате чего голосовые связки в их семье развились до такой степени, что могли издавать мощнейшие звуки.

– ХВАТИТ, – сказала она, не повышая голоса, но очень громко и отчётливо.

Ученики разом обернулись и увидели крепко сжатые челюсти, глаза, сощуренные до узких щёлочек, и спину прямее,

чем у бронзового всадника. Они сразу поняли: перед ними – аллегория власти. Они вжались в стулья, и в классе наступила гробовая тишина, такая, что можно было бы услышать, как летит муха... но даже мухи и те замерли от страха. Учительница перевела тяжёлый взгляд на Чарли и наконец пробасила:

– Чарли, пойдй умойся. Закончим на этом, если, конечно, ты сам не захочешь подойти ко мне и объясниться. Джун, проводи его. Остальные, достаньте тетради. Пишем сочинение без подготовки.

Ученики не посмели возразить. Джун и Чарли на цыпочках вышли из класса. Мухи, воспользовавшись удобным моментом, на всякий случай тоже ретировались.

* * *

Чарли старательно умывался в Драконьем фонтане. Вообще-то этот фонтан по всем нормам должны были давно снести – ему совсем не место на территории школы, – но ведь дракон, украшающий фонтан, был ни много ни мало символом спичечной фабрики, и когда решение о сносе фонтана затерялось где-то в бюрократических дебрях, все вздохнули с облегчением и благополучно забыли об этом деле. Да и вообще, школа разместилась в этом здании пять лет назад, как рак-отшельник, который находит себе подходящую ракушку, поэтому что-то сносить или перестраивать в планы не

входило. И в конце концов, фонтаны были визитной карточкой города, поэтому горожане снос бы точно не одобрили.

Вдруг Чарли вздрогнул от неожиданности. Опершись на скульптуру дракона, чтобы удержать равновесие, он почувствовал под холодным камнем... сердцебиение! Едва заметное, медленное, но всё-таки это было биение сердца. Неужели... неужели это сделал он?! Или у него на фоне остального сумасшествия, происходящего в последнее время, просто разыгралось воображение? Он с подозрением посмотрел на дракона.

– Ой, да хватит дуться! – сказала Джун. – Расслабься. Ну подумаешь, пирог! С кем не бывает!

Чарли не сводил глаз с дракона. У того, кто создал эту скульптуру, было отличное чувство юмора. В уголке драконьей пасти застыла едва заметная ухмылка, брови были слегка асимметричны – одна вздёрнута... В общем, дракон дерзко, но незаметно ухмылялся. Так скалятся ученики, когда учитель перед всем классом садится в лужу. Сердцебиение замерло так же незаметно, как и началось. И Чарли услышал за своей спиной голос Джун:

– Подожди, я тебе помогу...

Уже прозвенел звонок с урока, и Чарли решил, что лучше принять помощь: двор быстро заполнялся учениками. Он убрал руку со скульптуры.

И тут ему в лицо ударила мощная струя воды. Чарли едва успел заметить довольную физиономию Джун, которая све-

тилась от гордости за ловко сыгранную шутку, как услышал у себя за спиной возмущённый возглас. Он обернулся – это была Мангустина. Она проходила мимо в самый неподходящий момент. И теперь её свитер и волосы насквозь промокли, не говоря уж об очках, сквозь которые она теперь совсем ничего не видела. Она *так* посмотрела на Джун, что та завертелась как уж на сковородке:

– Ой да ладно! Это же просто шутка, если ты, конечно, знаешь значение этого слова! И вообще, я не в тебя целилась! – Она схватила очки Мангустины. – Сейчас я их помою – и будут как новенькие!

Мангустина закрыла глаза руками и в панике закричала:

– Мои очки! Отдай мои очки!

Джун была из тех, кто сначала отдавит кошке хвост, а потом её же выставит виноватой, и всё потому, что не выносила угрызений совести. Поэтому Мангустине она ответила очень грубо:

– Да хватит уже концерты закатывать! На, держи свои биннокли!

Мангустина торопливо взяла очки и, надевая их, спряталась за волосами, как за занавесом.

– Мне правда очень жаль, – сказал Чарли. – Это в чём-то и моя вина тоже. Ты в порядке?

– Я не нуждаюсь ни в чьей защите, понятно тебе? – очень холодно сказала она, после чего развернулась и ушла, а Чарли почувствовал себя дураком.

– Наконец-то! – выдохнула Джун. – У неё как будто швабра в одном...

– Ты серьёзно? Может, перестанешь уже её доставать? Ты же прекрасно видишь, что ей это не нравится.

Но Джун выпустила колючки: ей не нравилось, что её выставляли злодейкой, когда она всего-навсего радовалась жизни, хоть и немного неуклюже:

– А знаешь, я только что поняла: вы бы прекрасно подошли друг другу. Чарли и Мангуст – легендарная парочка без чувства юмора! – И с этими словами она скорчила отвратительную рожу, пальцами оттянув вниз уголки рта.

Чарли закатил глаза, но спорить не стал: он хорошо знал свою подругу и понимал, что последнее слово всегда будет за ней.

– Может, уже сменим тему? – спросил он.

Джун продолжала корчить отвратительную гримасу.

– Ладно, понял.

Джун не двигалась.

– Джун?

Чарли сначала расстроился, но потом занервничал:

– Ты обиделась? – Он слегка ущипнул её за руку – никакой реакции. Тогда он начал её трясти. – Эй! Это совсем не смешно!

Она окаменела, по-настоящему.

– Так, хорошо, я приведу кого-нибудь из медпункта, ты, главное, жди меня здесь! – сказал Чарли, и это, если поду-

мать, было не очень уместно.

* * *

Чарли побежал было через главный вестибюль, но, едва перешагнув порог, остановился как вкопанный. Прямо перед ним в позе, совершенно не напоминающей позу какого-нибудь великого мыслителя, неподвижно стоял учитель математики: он окаменел, ковыряя в носу. Позади в такой же позе застыл шутник, который хотел передразнить учителя за его спиной. Перепуганная одноклассница методично шлёпала его по щекам.

– Да проснись же ты! – кричала она ему прямо в ухо.

Но толку от этого не было никакого.

– Так, ладно, – кивнул Чарли.

Ловушка для спокойных? Ещё одна? Похоже, что да.

Он ринулся к воротам школы. Сторож Жорж, увлечённый разгадыванием кроссворда, выпустил его, ничего не спросив.

Шапка-выручалка лежала у Чарли в сумке. Он на секунду задумался, но потом достал её и, резко встряхнув, расправил. Шапка сразу приняла опрятный вид. Чарли надел её на голову – и вокруг него закрутился волшебный вихрь, потянувший его одежду во все стороны, как и в первый раз. И через пару секунд Чарли уже был в великолепном магическом одеянии. Может, некоторые и считают, что это полная

глупость, но Учитель Лин не зря дал Чарли совет о внешнем виде: он знал наверняка, что для любого магического дела это очень важно.

Чарли побежал. Бандита в этот раз рядом не было. Как же обнаружить источник зловредной магии без его помощи? Он свернул на первом перекрёстке и, не придумав ничего лучше, направился к салону «Ча-ча-чай», как вдруг услышал за спиной голос:

– Оставь это дело профессионалам.

Конечно же, это была Пергаментина. Она испепеляла его взглядом и держалась с таким достоинством, что плачевное состояние её платья отходило на второй план. Как и накануне, её пепельного цвета волосы были собраны в идеальный хвост.

Чарли широко ей улыбнулся, и Пергаментина растерялась. Она не знала, что большинство ссор, в которые Чарли пытались втянуть, он улаживал с помощью своего очарования.

– Пирог у тебя получился очень вкусным. Особенно начинка. Жаль, что я не успел попробовать тесто.

Пергаментина открыла рот, собираясь ответить какой-нибудь колкостью, но почувствовала, что конфликт тает на глазах.

– Я хороший пекарь, – сказала она наконец. Осознав, что слишком разоткровенничалась, она съёжилась, словно пытается спрятаться в своём огромном свитере, но было уже позд-

но. Сделав несколько шагов, она вернулась к прежней теме: – Ты ведь не сдашься просто так, верно?

– Не сдамся, – признался Чарли. – Эта ловушка, скорее всего, питается воспоминанием моей бабушки, и я бы хотел его забрать, понимаешь?

Пергаментина недоверчиво кивнула:

– Конечно... А как зовут твою бабушку?

– Почтенная Мелисса.

Она резко остановилась:

– Подожди... Почтенная Мелисса... Та самая Почтенная Мелисса?!

– Э... ну, думаю, да... А что? Ты её знаешь?

Пергаментине, видимо, стало неловко:

– Дело в том, что... пироги-ищейки – это её изобретение. Одно из. Я... как бы это сказать... В общем, я обожаю её творчество. – Она так разволновалась, что чуть не упала, споткнувшись о бордюр, который просто-напросто не увидела.

«Ей и вправду нужны очки», – подумал Чарли.

Они уже подходили к «Ча-ча-чаю», когда увидели, маленького мальчика, который замер, показывая язык своей маме.

– Хватит, Соломон! Перестань дурачиться, мамочка уже переживает!

– Мы уже близко, – сделал вывод Чарли.

– Знаю, – ответила Пергаментина. – Я заглянула в маги-

ческую сетку, прежде чем отправиться на поиски. Это прямо... здесь.

Чарли подумал, что Учитель Лин был прав, когда говорил, что Всадник охотится именно за ним: ловушка стояла посреди улицы в двух шагах от «Ча-ча-чая». Это было большое примерочное зеркало на опорах, которое можно наклонять и даже крутить вокруг его оси. Оно было украшено в духе ярмарки, прямо как та тележка с печеньем. На зеркале висела табличка, требовательно гласившая «Загляните в меня!». Люди, проходя мимо, смотрелись в зеркало, быстро поправляли одежду или причёску и как ни в чём не бывало шли дальше.

– Они не замирают, пока не скорчат какую-нибудь гримасу... – осенило Пергаментину. – Ладно, я уже отсюда вижу жемчу, думаю, достать её будет несложно. – И она шагнула к зеркалу.

– Подожди, – остановил её Чарли. – Эта бандура не смогла бы добраться сюда сама. Учитель Лин предупреждал меня, что нужно каждый раз проверять, нет ли поблизости недомагов.

Пергаментина пожалала плечами:

– Ты ведёшь себя так, будто это касается только лично тебя... Ну да ладно. В таком случае иди достань жемчу, а я пока осмотрю местность. И если найду хоть одного тупоголового тэдемовца, обещаю: я покажу ему, что такое радушный приём...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.